

91(С138).7 ррр

285

Б.759380

кп

ДУХОВНЫЕ
СТИХИ ИЗ КУРСКОЙ ГУБ.

2001r

ЦКХ

РР Р
КР

Р

2007

Многу благодарности

В. Е. Якушкину *и кт*

отъ собирателя

1047

1047

91(с138).7
Д 85
759380

Григорьев

Кет

Духовные стихи изъ Курской губерніи.

Собранные мною духовные стихи по содержанию новаго ничего почти не даютъ, но они любопытны, какъ образчикъ современнаго состоянія народнаго стиха, а собранныя мною свѣдѣнія при записываніи стиховъ дадутъ, можетъ быть, не лишеныя интереса матеріалы и для уясненія условій существованія, сохраненія и, можетъ быть, даже своеобразнаго развитія духовнаго стиха въ наше время.

Прежде, чѣмъ обратиться къ самымъ записаннымъ мною стихамъ, познакомлю немного съ ихъ исполнителемъ Григорьемъ Артамоновымъ. Это не будетъ лишнимъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Какъ извѣстно, напр., послѣ статьи Гильфердинга ¹⁾, наблюдений, сдѣланныхъ нами лѣтъ пять назадъ въ Москвѣ надъ Рябицинымъ (статья Е. А. Ляцкого) ²⁾ и надъ вопленицей Федосовой, личность и нѣкоторыя черты жизни пѣвца сказателя являются въ нашихъ глазахъ далеко не всегда бесполезными для уясненія произведенія, имъ сообщаемаго, для уясненія самаго процесса той творческой работы, которую совершаетъ пѣвецъ или сказатель, воспроизводя традиціонное для него содержаніе пѣсни ³⁾. Въ частности же для исторіи духовныхъ стиховъ мы находимся и въ лучшемъ положеніи, нежели по отношенію къ былинѣ: если относительно послѣдней мы по недостатку матеріала должны ограничиваться только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями относительно слагателей и носителей былины въ старое время, каковы, напр., предположенія В. Э. Миллера о скоморо-

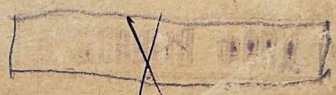
Библ-ка Высшая Школа
Иванъ Гандриковъ
№ 2990

¹⁾ Онежскія былины, предисловіе.
²⁾ Э. О. XXIII, 125 слѣд.
³⁾ Ср. А. Гильфердингъ у. с. I ч., 33.

5759380

Этнограф. Обзор. I.

1

хахъ, то для духовнаго стиха мы имѣемъ передъ собою довольно опредѣленный живучій культурный типъ „калѣки перехожаго“, установленный для весьма давняго времени въ трудахъ И. И. Срезневскаго, Н. С. Тихонравова А. Н. Пыпина ¹⁾; иначе мы о духовномъ стихѣ, какъ явленіи сравнительно съ былиной позднемъ, знаемъ болѣе, что касается его жизни и исполненія. Духовный стихъ болѣе специализированъ въ силу своего религіознаго содержанія, своихъ исполнителей, нежели „мірская“ былина, пѣсня. Вотъ что говоритъ А. Э. Гильфердингъ (I ч. 15.) объ отношеніи былины и духовнаго стиха: „пѣніе былинъ... остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать „старины“. Профессиональный характеръ имѣеть пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ „каликъ“ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики не знаютъ былинъ ²⁾. Я встрѣтилъ только одного пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ какъ на нѣчто второстепенное, постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя челоуѣка Божія, Егорія храбраго, Анику воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ былины“... Нищіе по профессіи „знали только духовные стихи“ (ibid. 17). Какъ и два вѣка назадъ, такъ и теперь духовный стихъ поютъ слѣпцы, нищіе, поютъ они его для назиданія, спасенія души своихъ слушателей; въ этомъ заключается польза (а не только удовольствіе), приносимая слѣпцомъ слушателямъ въ ихъ глазахъ; слѣпецъ, какъ поющій божественное, душеполезное, приближается по своей роли къ церковному учителю; за это онъ получаетъ милостыню; это его законный заработокъ. Поэтому-то, по традиціи, мѣсто слѣпца у

1) *Срезневскій*, „Крута Каличья“ (Спб. 1862); Его же, Русскіе калики древняго времени (Зап. Ак. Н. I, 2, Спб. 1862); *Тихонравовъ*, Собр. соч. I, 331 слѣд.; *Пытинъ*, Исторія литературы, I, 366 слѣд.

2) Тутъ повидимому у А. Э. неточность: А. Н. Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ *каликъ*; какъ онъ отмѣчаетъ самъ (II, № 2, 3, 4), (всѣ отъ одного), 5, 6, 11 (отъ того же, что и № 2. 4), 13, 15, и т. д.), и пишетъ въ письмѣ къ Д. А. Хомякову (ibid, XIV).

церкви, поэтому-то появляется онъ большею частью тамъ, гдѣ собирается народъ по случаю церковнаго торжества. Поэтому-то, наконецъ, калика времянь кievскаго періода, по уставу, приписываемому (хотя и ошибочно) самому святому Владимиру, калика—человѣкъ церковный; отъ этого калики идетъ по традиціи и нашъ „калика“-слѣпецъ. Теперь „калика“-слѣпецъ все еще въ большинствѣ случаевъ не забавникъ, а носитель серьезнаго, религиознаго, божественнаго. Такъ и самъ онъ смотритъ на себя, внося въ свой репертуаръ рядомъ съ духовнымъ стихомъ и прямо одинъ изъ его источниковъ: церковное пѣснопѣіе; онъ и его исполняетъ на напѣвъ духовнаго стиха, сопровождаетъ пѣіе игрой на „лирѣ“, если таковыя въ ходу въ той мѣстности, гдѣ онъ поетъ или откуда онъ вышелъ (на сѣверѣ „лиры“ въ большинствѣ случаевъ уже нѣтъ). Таковъ типъ калики-слѣпца въ нашей средѣ. Эти историческія черты калики могъ я провѣрить отчасти, а отчасти и дополнить по живому экземпляру, Григорію Артамонову, съ которымъ я познакомился лѣтомъ прошлаго года въ іюль въ с. Капустинѣ, Курской губ., Рыльского уѣзда. Этотъ слѣпецъ найденъ мною въ 7—8 верстахъ въ дер. Чупахиной (теперь сельцѣ, съ тѣхъ поръ какъ построена тамъ церковь, приписанная къ сосѣднему селу Киселевкѣ) на храмовомъ праздникѣ Одигитріи. Меня нѣсколько заинтриговала его молодость; затѣмъ я узналъ, что онъ не пришлый, а мѣстный уроженецъ, такъ сказать, произведеіе туземное, а это опять давало надежду почерпнуть больше фактовъ и для его языка и для характеристики здѣшней народной пѣсни, а его характеристику позволяло сдѣлать болѣе опредѣленной. Я, дѣйствительно, не ошибся въ выборѣ: Григорій Артамоновъ, явившійся съ поводыремъ Степкой, мальчикомъ лѣтъ 10-ти, черезъ день (по окончаніи праздника), оказался интереснымъ, толковымъ, а затѣмъ очень простымъ человекомъ. Сначала онъ какъ будто опасливо относился къ разпросамъ, какъ онъ самъ признавался потомъ, боялся, не вышло-бы чего; да и чудно ему было, по его словамъ, что баринъ заинтересовался такъ; положимъ, его звали и раньше, по его рассказамъ, въ с. Ивановское къ управляющему кн. Барятинскаго ¹⁾, заставляли пѣть и сказывать стихи, что-то записывали, да

1) Курской же губ., Льговскаго уѣзда.

такъ не допрашивали, да и не долго слушали, видно баловались, даже портретъ сняли. Это сдѣлалъ и я, да неудачно. Держалъ себя Григорій просто, безъ всякой аффектаціи, рисовки, будто дѣлалъ, распѣвая стихи, дѣло самое обычное, удивить не стремился; уставши, самъ останавливался, закуривалъ махорочную цыгарку, затѣмъ самъ заявлялъ: дальше; видимо, по временамъ самъ входилъ во вкусъ пѣнія и, несмотря на мои предложенія передохнуть, не хотѣлъ останавливаться; „постой, постой я еще“. Записъ же я производилъ такъ: сперва подъ пѣніе старался записать, что возможно (а это, первое время особенно, не легко удавалось), затѣмъ просилъ его сказывать по стихамъ, записывая и отмѣчая разныя мелкія особенности, напр. запинки, перестановки, сохраненіе или нарушеніе стиха; наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка, просилъ опять пѣть и по пѣнію провѣрялъ запись, отмѣчая уже новыя особенности. Такимъ образомъ дѣло подвигалось медленно, и не мудрено, что за два дня я записалъ только тысячу съ небольшимъ строкъ—весь духовный репертуаръ Григорія; но за то получилъ я полную довольно картину исполненія записи; одно, что не удалось мнѣ исполнѣ—это языкъ; въ особенности говора порознь я могъ себѣ отмѣтить, но въ каждомъ данномъ словѣ, вслѣдствіе привычки къ грамматическому письму, отфѣнки соблюсти не удалось. Григорій текстъ знаетъ твердо, повторяетъ безъ большихъ измѣненій, поэтому варіантовъ, поправокъ сравнительно мало въ его пѣсняхъ; при повтореніи о своей судьбѣ и о своемъ положеніи онъ разсказалъ просто, какъ будто дѣло это самое обычное, сохраняя при этомъ какое-то эпическое, такъ сказать, спокойствіе: будто онъ разсказывалъ не про себя, а про кого-то другого, либо пѣлъ свой стихъ. Вотъ, что разсказалъ онъ про себя: теперь ему 23 года, родомъ онъ изъ села Гломаздина (это сосѣдняго съ Рыльскимъ, Дмитріевскаго уѣзда; Калустино и его волость Петровская пограничныя съ этимъ уѣздомъ; до Гломаздина всего 10—12 верстъ), живетъ по большей части въ дер. Малышовкѣ, недалеко отъ того же Гламаздина, гдѣ у него и надѣлъ. Ослѣпъ онъ 18 лѣтъ отъ оспы; женился онъ уже слѣпымъ, чтобы „жена мыла его, въ чистотѣ содержала, кормила“, но жена-такая-сякая—черезъ годъ его бросила. Онъ было поселился у матери, но и та его прогнала, такъ какъ сама вторично замужъ вышла. Такъ и осталось одно: идти въ слѣпцы-нищіе.

Началь онъ каличить; стихи училъ онъ по *книжкамъ* отчасти, главнымъ же образомъ со словъ старшихъ. Съ тѣхъ поръ онъ и ходитъ со Степкой-поводыремъ, которому платитъ 8 рублей въ годъ, надѣлъ же свой отдалъ въ аренду сосѣду, чтобы онъ за него платилъ поземельныя. Въ этомъ разсказѣ обратило мое вниманіе то, что онъ разучилъ стихи не только со словъ старшихъ слѣпцовъ, что въ его положеніи вполне понятно, да и естественно, но также по книжкамъ; онъ мнѣ это и объяснилъ, присоединяя просьбу, чтобы и я, какъ знающій стихи (я иногда его спрашивалъ, когда онъ путалъ: не такъ-ли, моль; разспрашивалъ, знаетъ ли онъ такой или другой стихъ), написалъ ему книжку, а онъ бы разучилъ „хорошій“ стихъ, напр. о Голубиной книгѣ, про который онъ слышалъ, но не знаетъ. Дѣло то оказалось вотъ въ чемъ: онъ проситъ написать ему стихъ—это и есть книжка—и, ходя по деревнямъ изъ избы въ избы, гдѣ найдетъ грамотнаго, проситъ ему читать, пока не заучитъ на память (а это происходитъ быстро: память у него, какъ можно было замѣтить, отличная, какъ и у большинства народныхъ пѣвцовъ и сказателей—условіе-необходимое при такомъ способѣ передачи, каковъ для устной словесности вообще). Музыку же, которая разнообразіемъ мотивовъ, сколько я могъ уловить, самъ не зная музыки, не отличается, подбираетъ онъ самъ ¹⁾. Судя по тону, въ которомъ передана была Артамоновымъ просьба и дано объясненіе, надо полагать, что онъ, дѣйствительно, „книжечкой“ пользовался. Изъ частныхъ разсказа слѣпца Артамонова стоитъ отмѣтить его заявленіе, что, помимо духовныхъ стиховъ, онъ знаетъ и пѣсни (дѣйствительно, по требованію капустинской дворни, онъ пропѣлъ и сыгралъ, „Камаринскую“, „Бычка“ и „Өому съ Еремой“, я ихъ не записывалъ); но веселыхъ пѣсень онъ пѣть не любитъ, считая это дѣломъ негожимъ, но поетъ по необходимости, потому что не пѣть этихъ пѣсень, по его словамъ, убыточно; когда зовутъ въ деревнѣ пѣть пѣсни, то требуютъ веселыхъ и, если не пѣть, выругаютъ и изъ избы выгоняютъ: „на то ты и слѣпецъ-ницій, долженъ народъ уважать“. Замѣтка-характерная не только для

¹⁾ Аналогичное же наблюденіе о способѣ заучиванія пѣсень, сперва словъ, параллельно съ которыми воспринимается и мотивъ, сообщаетъ *Н. М. Лопатинъ*. Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсень, (М. 1889), ч. I, стр. 3.

пѣвца, но еще больше для его слушателей. Затѣмъ, по его словамъ, слѣпцовъ-пѣвцовъ еще много въ ихъ мѣстахъ, даже есть свое домашнее производство „лирь“, которыя изготовляются сапожникомъ той же Малышевки, правда, за довольно значительную сумму—пять рублей, но слѣпцы должны прятаться, потому что мѣстный становой ихъ гоняетъ и преслѣдуетъ: „все то вы глупости поете, только, моль, народъ смущаете“. Часть слѣпцовъ якобы уже ушла въ Сибирь: тамъ, сказываютъ, вольнѣе. Послѣднее обстоятельство объясняется повидимому не только стараніями не по разуму усердной деревенской полиціи, но и тѣмъ, что въ репертуарѣ слѣпцовъ есть пѣсни, дѣйствительно „сомнительныя“, разумѣется, въ глазахъ тѣхъ же охранителей общества отъ соблазновъ. Одну такую пѣсню, съ замѣчаніемъ, что ее пѣть не позволяютъ, пропѣлъ мнѣ, увѣрившись сперва, что за это ничего ему не будетъ, и Григорій Артамоновъ; это стихъ на смерть Александра II; этого стиха я еще коснусь; наконецъ, для характеристики личности моего слѣпца, до извѣстной степени, можетъ быть не лишена интереса и его просьба, нельзя ли написать прошенія самому императору, чтобы становые ихъ не обижали, и вопросъ: какъ я думаю, исполнить ли царь ихъ просьбу? они де, слѣпцы, давно уже объ этомъ промежъ себя толкуютъ.

Что касается другихъ наблюденій, между прочимъ пришлось замѣтить слѣдующее: больше ошибокъ, запинокъ—въ большихъ стихахъ; пѣвецъ неожиданно дѣлаетъ паузу, затѣмъ вспоминаетъ стихъ, хотя и не всегда складно; но, повторяю, такихъ запинокъ сравнительно немного; и когда, ошибившись, пѣвецъ возобновляетъ стихъ варьируя, прибавивъ: „коли хочешь, можно и такъ“, чувство ритма и стиха у него несомнѣнно есть: ошибочный по построению, но не по содержанію, стихъ выправляется со стороны построения, хотя и не всегда ¹⁾. Эти всѣ случаи мною тщательно отмѣчались.

Что касается говора пѣвца, то онъ мѣстный: сознанія формъ грамматическихъ въ сочетаніяхъ не всегда хватаетъ; отсюда путаница падежей; въ фонетикѣ обычныя особенности южно-великорусскаго говора: о - а въ ударенія довольно часто; въ томъ же положеніи е - и, е - я; а, я - е; но ни одна особенность послѣдовательно не проходитъ; то же надо сказать о смѣшеніи у и в. Ц.—славян-

¹⁾ Ср. вторую категорію пѣвцовъ у А. Θ. Гильфердинга 12, 4 1.

скій элементъ, присущій стиху, дающій ему окраску „божественнаго“, присутствуетъ и у нашего пѣвца, но мало и, кромѣ того, имъ уже не создается: отсюда путаница и коверканье славянизмовъ. Книжный синтаксисъ стиховъ также не сознательный, а потому путанный. Что касается только что отмѣченныхъ недостатковъ по части грамматическихъ формъ, путаницы падежей въ рѣчи, то она оказывается сильнѣе, когда стихъ поется, и вообще въ стихѣ нежели въ разговорной рѣчи: ясно, что процессъ пѣнія, стремленіе сохранить ритмическую форму стиха отчасти отвлекаетъ вниманіе отъ соблюденія грамматической правильности. Это особенно часто совпадаетъ съ тѣми окончаніями, которыя въ музыкѣ протягиваются. Въ разговорѣ же рѣзкаго смѣшенія падежей, которое отмѣчаетъ въ обоянскомъ говорѣ В. И. Рѣзановъ (Р. Ф. В. 1897, стр. 36, отд. отт.), не замѣчается. Что на смѣшеніе формъ оказываютъ вліяніе именно указанныя причины, видно изъ того, что и въ былинахъ съверху наблюдается подобное же явленіе (напр. по текстамъ Гильфердинга), хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, причина чего, повидимому, въ томъ, что былина поется речитативомъ и что языкъ быliny болѣе народный, близкій къ живому, нежели языкъ духовнаго стиха, окрашеннаго колоритомъ стараго литературнаго, славяно-русскаго языка, источника самого стиха, а потому и болѣе чуждый живой рѣчи. Эту разницу въ фонетикѣ въ пѣніи и рѣчи отмѣчали и другіе собиратели ¹⁾. Остальныя подробности говора отмѣчены мною въ самыхъ стихахъ.

Если добавить еще одну мелочь, именно участіе поводыря при пѣніи, то, кажется, я сообщилъ всѣ внѣшнія условія, какія могъ замѣтить: мальчикъ, конечно, разучившій невольнo вслѣдствіе своей роли поводыря, отчасти стихи своего слѣпца, при запискѣ послѣдняго или подталкиваетъ его со словами: „ну, пой же, чего сталь?“, или самъ ему подсказываетъ.—Еще наглядный образчикъ традиціонной передачи стиха.

Не рѣшаясь обобщать цѣликомъ частный случай, каковъ несомнѣнно наблюденный мною, я бы хотѣлъ отмѣтить, подчеркнуть нѣкоторыя частности, имѣя въ виду другіе случаи и общія наблюденія надъ жизнью народной пѣсни со стороны ея *modus'a vivendi*. Эти общія наблюденія отчасти подтверждаются и нашимъ слу-

1) См. „Живая Старина“, 1900, III, 435.

чаемъ. Другой рядъ наблюденій даетъ непосредственное изученіе текстовъ, записанныхъ мною. Сначала о репертуарѣ слѣпца: въ отличіе отъ специалистовъ по духовнымъ стихамъ старыхъ слѣпцовъ, нашъ уже расширилъ его, принявъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ и свѣтскія пѣсни. Это расширеніе репертуара и именно въ эту сторону, показывая съ одной стороны уже ослабленіе прежняго серьезнаго возрѣнія на духовный стихъ и въ частности на его исполнители: у слушателей, характеризуетъ ослабленіе традиціи ея у самого пѣвца во взглядѣ на самого себя: если нашъ Григорій Артамоновъ и не любитъ свѣтскихъ пѣсень, онъ всетаки ихъ поетъ, потому что это выгодно для него, его ремесло даетъ ему при этомъ условіи больше заработка. Старый калика высоко цѣнилъ свое занятіе, м. б. видѣлъ въ немъ общественную заслугу всю, смотрѣлъ на себя съ уваженіемъ. Припомнимъ, напр., приведенное мною раньше наблюденіе Гильфердинга на счетъ профессиональнаго пѣвца духовныхъ стиховъ Ивана Фепонова. Пѣніе духовныхъ стиховъ у нашего пѣвца приблизилось уже болѣе къ представленію о ремеслѣ, дающемъ кусокъ хлѣба, и идеальная сторона пѣнія отступаетъ на второй планъ. Что это явленіе общее, подтверждаютъ и другія наблюденія: слышанные мною слѣпцы-пѣсенники по ту сторону Днѣпра за Кіевомъ прямо смотрѣли на себя, какъ на людей, на обязанности которыхъ потѣшать публику: они и начинали свое пѣніе, безъ приглашенія и заказа, прямо съ веселыхъ пѣсень, въ родѣ вновь сложенной пѣсни о земскихъ начальникахъ и о земскихъ низшихъ чинахъ (писарь, староста), пѣсни, записанной мною позапозпрошлое лѣто, при томъ довольно уже сатирическаго характера. Пѣвецъ, пѣвшій эту пѣсню, неохотно пѣлъ духовныя, да изъ нихъ онъ зналъ только общеизвѣстный стихъ о рождествѣ, а больше ему знакомы были церковныя пѣснопѣнія съ путаницей словъ и мотивовъ. Такой же, уже расширенный репертуаръ находимъ уже и въ Бѣлоруссіи, по словамъ А. Е. Грузинскаго. (Десять чтеній, 19). Подобно нашему слѣпцу и Бѣлорусскій знаетъ Фому и Ерему и рекрутскую пѣсню. Наблюденія надъ пѣсней на сѣверѣ констатируютъ тоже расширеніе спеціализаціи: пѣвцы духовныхъ стиховъ все чаще и чаще вводятъ въ свой репертуаръ былину, пѣсню ¹⁾. Выводъ изъ ска-

1) Такъ Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ каликъ (см. выше, прим.).

заннаго ясенъ: паденіе интереса къ духовному стиху, какъ такому, замѣчается въ слушателяхъ, ихъ вкусъ требуетъ интереснаго веселаго даже отъ убогаго калики, и калика въ интересахъ заработка идетъ навстрѣчу этому желанію, становясь изъ лица полу-духовнаго въ рядъ простыхъ пѣсенниковъ увеселителей: старый калика и старый екоморохъ забавникъ, пѣвшій былины, старивы, сближаются въ современномъ пѣвцѣ духовнаго стиха, слѣпецъ, подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ или, лучше сказать, подъ давленіемъ утраты прежняго чутья къ поэзіи у слушателей.

Затѣмъ, мнѣ кажется, не лишнее будетъ обратить вниманіе на способъ усвоенія новыхъ стиховъ каликой. Традиціонный способъ устной передачи нѣсколько расширяется путемъ письменной „книжки“ нашего Артамонова. Изъ древняго времени и даже изъ болѣе къ намъ близкаго, у собирателей стиховъ, мнѣ не приходило въ встрѣчаться съ подобнымъ яснымъ указаніемъ на процессъ усвоенія стиховъ при помощи книжки ¹⁾. Какъ извѣстно, собранія духовныхъ стиховъ, попадавшихъ въ наши научные сборники, составлялись до сихъ поръ изъ двухъ источниковъ: изъ записей, сдѣланныхъ собирателями съ голоса, какъ это сдѣлалъ и я, и изъ старинныхъ (рѣдко, впрочемъ, XVII, чаще же XVIII-го вѣка) сборничковъ рукописныхъ, болѣею частью содержащихъ такъ называемые „псалмы“, т. е. стихи, завѣдомо книжнаго, болѣею частью учениковъ духовныхъ школъ производства ²⁾. Таковъ типичный составъ огромнаго собранія духовныхъ стиховъ, редактированныхъ Безсоновымъ, „Калѣки перехожіе“. Между этими стихами въ рукописныхъ тетрадкахъ (ихъ не мало, напр., въ числѣ рукописей Тверскаго музея, въ собраніи Н. С. Тихонравова) попадаются и народныя, попадаются и намъ извѣстны сборники и другихъ произведеній народной словесности, каковы былины,

¹⁾ Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ исключительнымъ явленіемъ, видно изъ замѣтки Н. Кашина, сообщившаго въ недавно вышедшей книжкѣ Э. О. XII, стр. 139, любопытный, аналогичный до нѣкоторой степени фактъ: Петринъ, пѣвшій пѣсню объ Александрѣ II (я ее коснусь ниже) пояснилъ между прочимъ, что есть книжки, въ которыхъ все содержаніе пѣсни подробно и хорошо рассказано. Или же это извѣстіе г. Кашина должно быть понимаемо въ смыслъ указанія на книжный источникъ данной пѣсни, какъ полагаетъ г. Кашинъ.

²⁾ Ср. *Житецкій*, Мысли о малорусскихъ думахъ. (Кіевъ, 1893), стр. 57—58.

напр. знаменитый сборникъ Кирши Данилова, гдѣ есть въ рукописи (но не въ печатномъ изданіи Калайдовича) даже старый стихъ о Голубиной книгѣ и другіе ¹⁾, таковы же тетрадки конца XVII и XVIII в., по которымъ были изданы былины „старой записи“ Миллеромъ и Тихоновымъ ²⁾. Въ этихъ случаяхъ всегда предполагается „запись“, т. е. стихъ, былина изъ устнаго обихода переходятъ въ книжку, нигдѣ же мы не находимъ яснаго, даже неяснаго указанія, чтобы стихъ переходилъ изъ книжки въ устное преданіе, если не считать намековъ извѣстнаго эпизода изъ Голубиной книги, изъ которой, и то по памяти, передаетъ царь Давидъ Ессеевичъ о тайнахъ мірозданія ³⁾, да и этотъ эпизодъ идетъ чуть ли не изъ книжнаго источника стиха—изъ Епистоли о недѣлѣ или Иерусалимской бесѣды стараго времени. Подобный же намекъ, пожалуй, можно видѣть и въ пѣсняхъ людей Божіихъ.

Дайте книгу Родословъ,
Прочитаетъ Богословъ.

Но, кажется, правильнѣе будетъ видѣть здѣсь съ Тихоновымъ ⁴⁾ намекъ не на книжное происхожденіе самаго стиха, а на книжную его перелачу въ репертуаръ устнаго сказателя. Въ разсказѣ Артамонова мы узнаемъ впервые объ обратномъ переходѣ, изъ книжки, въ оскудѣвающій репертуаръ слѣпца стиховъ новыхъ. Это, однако, случай не исключительный: съ подобной же просьбой—написать стишокъ хорошій для разучиванья—предложенной мнѣ Артамоновымъ, обращался въ Бѣлоруссіи одинъ изъ слѣпцовъ, по-бѣлорусски „старцовъ“, къ моему товарищу А. Е. Грузинскому, также записавшему стихи въ Лоевѣ Минской

1) Древнія російскія стихотворенія, изд. 3-е (М. 1878), стр. XVI, прим.

2) Былины старой и новой записи (М. 1894) стр., 71 и слѣд.

3) А ты гой еси, сударь, премудрый Ты прочти книгу Голубиную,
царь, Раскажи, сударь, намъ про бѣлый
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ! свѣтъ...

Давидъ отвѣчаетъ:

А читать книгу—её нѣкому. Я скажу, братцы, да по памяти,
А сама книга а распечаталась, Я по памяти, якъ по грамоти.
Слова Божіи прочитались. (Безсоновъ, „Калѣки“, № 78).

4) Н. С. Тихоновъ, Собр. соч. I, 337 слѣд.

губерніи ¹⁾. Ясное дѣло, что въ такого рода просьбѣ мы въ правѣ предполагать уже прогрессъ въ методѣ передачи стиховъ: на помощь оскудѣвающей традиціи устной передачи является книжка хотя бы и старая, рукописная, которая все болѣе и болѣе съ развитіемъ грамотности приобрѣтаетъ довѣріе, становится все необходимѣе и необходимѣе въ быту: слѣпой калика уже оцѣнилъ ее въ примѣненіи даже къ своему традиціонному мастерству. Разъ дѣло обстоитъ такъ, полагаю, не будетъ большой смѣлостью зачислить и слѣпца, существующаго для удовлетворенія духовныхъ потребностей массы, зачислить въ число полезныхъ дѣятелей въ просвѣщеніи народа: направленный умѣло популярный слѣпецъ можетъ явиться хорошимъ проводникомъ полезныхъ и здоровыхъ идей въ массу въ родѣ странствующаго учителя. Поэтому гнать, отталкивать слѣпца не слѣдовало бы, а наоборотъ слѣдуетъ его поддерживать, направляя въ желанную сторону постепенно его дѣятельность. Какъ видно изъ репертуара слѣпцовъ, они не чужды современности, вопросы настоящаго времени и легко могутъ быть проводниками разумнаго и эстетичнаго развитія массы, какъ люди близко стоящіе къ этой массѣ, часто даже ближе, нежели наши учителя народныхъ школъ, при томъ, какъ люди, пользующіеся, несомнѣнно, довѣріемъ этого народа.

Перехожу непосредственно къ собраннымъ мною пѣснямъ. Всего, какъ я сказалъ, сообщилъ мнѣ Артамоновъ болѣе тысячи стиховъ. Къ этой тысячѣ строкъ не относится сказаніе о 12 пятницахъ, которое онъ мнѣ разсказалъ. Стихи же эти слѣдующіе.

- 1) Христе Царю (о страстяхъ Христовыхъ)—31 ст.
- 2) Родъ Еврейскій (распятіе и плачъ Богородицы)—20 ст.
- 3) Егорій Храбрый—187 ст.
- 4) Александръ II—77 ст.
- 5) Алексѣй, Божій человекъ—380 ст.
- 6) Два Лазаря—160 ст.

¹⁾ Кстати будетъ вспомнить, что нѣсколько аналогичный, во всякомъ случаѣ замѣчательный, фактъ перехода пѣсни изъ книги въ устную передачу, отмѣченъ былъ и по отношенію къ былинѣ А. Ѳ. Гильфердингомъ: я имѣю въ виду сербскую пѣсню про Іово и Мару въ переводѣ Н. Щербини, попавшую изъ его „Пчелы“ въ репертуаръ былинъ Матрены Меньшиковой (12, 20). Но это пока случай исключительный и имѣетъ въ силу положенія былины пока иной смыслъ.

- 7) Михаилъ Архангелъ (страшный судъ)—61 ст.
- 8) Иной стихъ о томъ же.—52 ст.
- 9) Плачь Іосифа Прекраснаго.—26 ст.
- 10) Рождество Христово.—16 ст.
- 11) Сонъ Богородицы.—78 ст.
- 12) Иже Христосъ Богъ нашъ (распятіе).—14 ст.

Всего стало-быть двѣнадцать номеровъ, съ „двѣнадцатью пятницами“—тринадцать. Изъ этихъ стиховъ одинъ весьма почтеннаго размѣра—объ Алексѣѣ—380 строкъ, два—Егорій и два Лазаря—средняго, одинъ 160, другой 187 стиховъ, остальные мелкіе отъ 76 до 14 стиховъ. Считать ли репертуаръ Григорія Артамонова выдающимся по объему или нѣтъ, сказать трудно, потому что, въ противоположность собирателямъ былинь, послѣ А. О. Гильфердинга, ставшаго удѣлять не мало вниманія личности пѣвца и его репертуару, собиратели духовныхъ стиховъ обращали главное вниманіе на самый стихъ, удѣляя слишкомъ мало его самому слѣзцу. Поэтому даже въ лучшихъ по текстамъ и наиболѣе полныхъ сборникахъ, каковы Варенцова, Безсонова, отмѣчается далеко даже не всегда, отъ кого записанъ стихъ, стихи располагаются по содержанію, а не по пѣвцамъ¹⁾, а замѣтки о самихъ пѣвцахъ отсутствуютъ. Эта небрежность, скорѣе всего, находитъ объясненіе въ томъ, что до сихъ поръ духовный стихъ, какъ попадающійся часто сравнительно съ былинной, не былъ предметомъ такой заботливости, какъ она: исчезающая былина пѣвнится и на ученомъ рынкѣ выше довольно обыкновеннаго духовнаго стиха²⁾. Насколько это справедливо, ясно изъ сказаннаго мною раньше: если былина, дѣйствительно, цѣнна, какъ выраженіе поэтическаго настроенія массы, то отсюда не будетъ вытекать сравнительная безцѣнность стиха, такого же выраженія поэтическаго же настроенія, но въ иной области мысли и чувства: *suum cuique*. И къ духовному стиху, при теперешнихъ требованіяхъ науки, долженъ быть примѣненъ тотъ же методъ, что къ собиранію памятниковъ устной словесности вообще, разъ мы поставимъ культурно-психо-

1) Ср. А. О. Гильфердингъ, ц. с. 1, 233.

2) Ср. Квашнина-Самарина. О былинахъ въ сборникъ П. С. Ефименка (Труды Этногр. Отд. Люб. Естеств. Антроп. и Этногр., кн. V, вып. 2 (1878), стр. 1).

логическую цѣль нашему изученію. А съ этой точки зрѣнія важно не только содержаніе произведенія, но и личность поэта, въ частности его репертуаръ, какъ выраженіе его таланта, интересовъ, т. е. „полное собраніе сочиненій“, если такъ можно условно выразиться. Нѣкоторые матеріалъ, довольно, впрочемъ, ограниченный и не особенно точный, даютъ существующія собранія духовныхъ стиховъ для приложенія и къ нимъ того же метода, что и къ былинѣ: огромный сборникъ Безсонова „Калѣки переходіе“ даетъ возможность *до нѣкоторой степени* представить себѣ репертуаръ отдѣльныхъ пѣвцовъ духовнаго стиха, говорю: „*до нѣкоторой степени*“, потому что, если редакторъ въ стихахъ, имъ записанныхъ (большая часть идетъ отъ Кирѣвскаго, Якушкина и другихъ собирателей, частью же изъ записей старшаго времени, собраній рукописныхъ кантъ), если онъ въ этихъ стихахъ обозначилъ имя пѣвца и мѣстность, гдѣ записанъ стихъ, то въ своихъ широко-вѣщательныхъ некритичныхъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ онъ нигдѣ не сообщаетъ (не говоря уже о подробностяхъ касательно личности пѣвца, хотя это и обѣщаетъ въ предисловіи къ I-му выпуску) о томъ, въ какой степени онъ исчерпалъ репертуаръ своихъ пѣвцовъ, какъ это сообщали Гильфердингъ и Рыбниковъ: у перваго размѣщеніе по пѣвцамъ дѣлаетъ необходимымъ и яснымъ это требованіе, второй (II, стр. XII) прямо заявлялъ, что у такихъ-то пѣвцовъ онъ записалъ „рѣшительно все“, а у Бутылки (фамилія пѣвца) многого записать не успѣлъ. Но относительно П. А. Безсонова скорѣе можно полагать, что вопросомъ о репертуарѣ онъ не интересовался: по плану его изданія, по присутствію „сводныхъ“ стиховъ видно, что онъ стремился къ полнотѣ содержанія, и стихъ, не дававшій ему новыхъ подробностей сравнительно съ положеннымъ въ основу (онъ его и печатаетъ первымъ въ группѣ однородныхъ, считая его „лучшимъ“ по сохранности), въ изданіе не включался. Все таки, не смотря на это, я бы ослабилъ нѣсколько категорическій упрекъ Н. С. Тихонравова Безсонову, что послѣдній не различаетъ даже кантъ отъ стиховъ ¹⁾. Вниманіе Безсонова къ происхожденію стиха въ его собраніи (изъ чужой записи съ голоса, или изъ книжки или рукописи) сказалось въ обозначеніи всякій разъ, откуда взять этотъ или другой стихъ,

¹⁾ Рецензія въ Отчетъ о 33 присужденіи Демидовскихъ премій, стр. 203, 223.

показываетъ, что Безсоновъ все-таки различалъ стихъ книжный и устный. Въ послѣдней категоріи онъ отмѣчалъ и пѣвца, котораго онъ самъ слышалъ или имя котораго нашель въ своемъ матеріалѣ (таковы были, повидимому, аккуратныя записи Отто изъ Валдайскаго уѣзда, перешедшія къ Безсонову)¹⁾. Выбравши на основаніи этихъ помѣтъ стихи, записанные отъ извѣстнаго пѣвца, мы получимъ *нѣкоторое* понятіе о репертуарѣ каждаго изъ нихъ; конечно, мы этотъ репертуаръ не будемъ, въ силу сказаннаго, считать безусловно полнымъ; но и въ этомъ видѣ репертуаръ пѣвцовъ, вошедшихъ въ „Калѣвки переходжіе“, дастъ кое-какія любопытныя, хотя и приблизительно только опредѣленные наблюденія, особенно если мы сопоставимъ репертуаръ слѣнца съ репертуаромъ былиннаго пѣвца, извѣстнымъ намъ, благодаря методу Гильфердинга, вполне точно. Я такъ и сдѣлалъ: выбралъ репертуаръ отдѣльныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ „Калѣвъ переходжихъ“; результаты этой работы убѣдили меня въ томъ, что Безсоновъ въ этомъ отношеніи былъ, повидимому, исправнѣе, чѣмъ въ другихъ: онъ, повидимому, дорожилъ устнымъ стихомъ и старался напечатать такой стихъ, а не выкидывать, разъ была хоть какая-нибудь для этого возможность; въ этомъ убѣждаетъ меня то обстоятельство, что, не имѣя въ мысляхъ представить репертуаръ того или иного пѣвца, Безсоновъ тѣмъ не менѣе напечаталъ приблизительно одинаковое число стиховъ каждаго изъ своихъ живыхъ источниковъ; едва-ли это случайность: число стиховъ отъ каждаго колеблется между 9 и 12, одинъ далъ 6, двое 3—4. Приблизительно тѣже цифры и тѣже колебанія дали Гильфердингу его былинныя пѣвцы и пѣвицы (если не считать, разумѣется, такихъ выходящихъ изъ ряда дарованій, какъ Калининъ, Прохоровъ, Рябининъ, Щеголенокъ). Это убѣждаетъ меня въ томъ, что, сочтя изданныя Безсоновымъ записи отъ пѣвцовъ довольно близко выражающими ихъ репертуаръ, я не сдѣлаю большой ошибки. А составъ этого репертуара по содержанію, какъ мы увидимъ, не противорѣчитъ наблюденіямъ надъ репертуаромъ „каликъ“ вообще, сдѣланнымъ тѣмъ же Гильфердингомъ и Варенцовымъ. Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, по моему необходимымъ, мы можемъ сдѣлать сопоставленіе нашего пѣвца съ его старшими товарищами въ

1) Предисловіе къ первому выпуску.

бозсоновскомъ сборникѣ. Изъ 10 пѣвцовъ и пѣвицъ у Безсонова пятеро оказались знающими 9—12 стиховъ, одна 6, одинъ 4, одинъ 3, двое по два стиха¹⁾; судя такимъ образомъ, по числу сюжетовъ—стиховъ, нашъ Артамоновъ будетъ принадлежать къ числу довольно богатыхъ по репертуару пѣвцовъ: у него 12 стиховъ, тринадцатое—апокрифическое сказаніе о пятицахъ. Такое же количество, конечно, приблизительно даютъ и пѣвцы былинь: ясно, что такое количество сюжетовъ вмѣстѣ съ ихъ стихотворной формой подѣ силу среднему пѣвцу, устно передающему свои произведенія: большее же количество указываетъ не только на дарованіе и способность пѣвца, но на дарованіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ въ средѣ носителей устной литературы²⁾. Но если обратимся къ объему былинь и духовныхъ стиховъ, то увидимъ сейчасъ же, что дѣло былиннаго сказателя требуетъ гораздо большей и лучшей памяти, нежели дѣло слѣпца-калики: при одинаковомъ почти количествѣ сюжетовъ мы сразу замѣтимъ, что былина въ общемъ гораздо больше по объему, нежели духовной стихъ: между послѣдними наиболѣе обширными приходится считать стихи: о Голубиной книгѣ, число стиховъ въ которой колеблется между 150 и 250 въ наиболѣе полныхъ ея спискахъ, стихъ о Егоріи Храбромъ (150—180 и 290), Θεодорѣ Тиронѣ (120—220 ст.), Дмитріи Солунскомъ (230 ст.), Алексѣѣ—Божьемъ челоуѣкѣ (280—380), о Страшномъ судѣ (150—270 ст.)³⁾, т. е.

1) Именно 1) *Дюдюкинъ* (Сакарево, Моск. губ.) 12. 2) *Лукеря* (Кислое, Смол. губ.) 12 (впрочемъ, при четырехъ стихахъ у Безсонова помѣта „рукоп. Лукер.“—стихи, записанные Лукеріей, но не сказано, чужіе ли она записала, или свои). 3) *Теленковъ* (Куднево, Орлов. губ.) 11. 4) *Бороздинъ* (Мпескъ) 10. 5) *Ларионъ* (Боръ, Валдайск. у.) 8. 6) *Прасковья* (Можайск. у.) 6. 7) *Дорженниковъ* (Каменка, Тульск. г.) 4. 8) *Рытнинскій* (Орлов. губ. Болх. у.) 3. 9) *Антонъ* (Боръ, Валд. у.) 2. 10) *Онисимъ* (Осташковъ) 2. 11) *Антимъ* (Вокшино, Серп. у.) 2.

2) По отношенію къ былинамъ я по Гильфердингу произвелъ такого рода подсчетъ: изъ числа 35 пѣвцовъ и пѣвицъ болѣе 10 былинь знаютъ четверо; 7—8 былинь шестеро; 6 былинь шестеро; 5 былинь трое; 4—3 былины восьмеро, двѣ—четверо, наконецъ по одной также четверо.

3) По Безсонову: Голубиная кн. № 76—88, Егорій №№ 98—108, Θεодоръ №№ 122—125, Дмитрій № 133, Страшный Судъ №№ 503—506; Алексѣй, стр. 218—238 по Варенцову или нашъ у Артамонова (см. выше). Разумѣется, „сводные“ стихи, какъ не существующіе на дѣлѣ, мною въ расчетъ не принимаются.

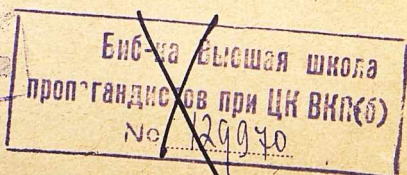
на кругъ самые обширные духовные стихи надо считать 200—300 строкъ; большинство же стиховъ гораздо меньше, отъ 10 до 50, 60. Между былинами же, по подобному расчету, мы должны счесть самую короткую строкъ отъ 100 до 120, среднюю 200—400, большую 800—1000 строкъ; былины же меньше 100 строкъ рѣдки, а если есть, то отрывочны; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что трудность запоминанія былины увеличивается сводными былинами, т. е. такими, которыя соединяють въ одно нѣсколько сюжетовъ (напр. былины объ Ильѣ, Потокѣ, Добрынѣ, Волгѣ и Микулѣ) ¹⁾. Если же мы присмотримся повнимательнѣе къ „старинамъ“ со стороны ихъ содержанія, то и въ этомъ отношеніи замѣтимъ нѣкоторое соотношеніе между сюжетомъ и объемомъ былины; если мы обратимъ вниманіе съ одной стороны на старую былинку, т. е. былинку кievскую и вообще южную по происхожденію, каковы былины объ Ильѣ, Добрынѣ, Потокѣ, Дунаѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, и старую новгородскую (Садко, Буслаевъ) и на позднюю суздальско-московскую, каковы такъ называемыя „историческія“ пѣсни о Татаршинѣ, Грозномѣ, Ермакѣ, взятіи Казани и т. д., то замѣтимъ, что старшая былина по объему будетъ обширнѣе, даже если она не циклическая, сводная у пѣвца, нежели поздняя, если даже удалимъ изъ нея такъ называемыя „повторенія общихъ мѣстъ“. Конечно, это наблюденіе безусловно точнымъ считать нельзя, имѣя въ виду, что много былинъ передается въ силу индивидуальныхъ свойствъ пѣвца или сокращенно, или отрывочно, потому что сказатель уже забылъ часть своей былины или не мастеръ въ композиціи. Это наблюденіе, конечно, будетъ правильно главнымъ образомъ для лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ, а потому болѣе памятныхъ пѣвцовъ и лучше сохраняющихъ старую традицію; оно точнѣе всего формулируется такъ: въ общемъ въ числѣ былинъ старшаго времени по происхожденію чаще будутъ встрѣчаться былины обширныя, нежели короткія, а въ средѣ былинъ младшаго времени, наоборотъ, преобладать будутъ старины короткія надъ обширными. Или же такъ: большія и среднія по объему былины будутъ приходиться чаще на старыя „старины“, меньшія на младшія „старины“.

¹⁾ Если разложить сводную былинку, то придется ея части зачислить въ число среднихъ или малыхъ былинъ, но тогда число былинъ у каждаго пѣвца значительно увеличится. Соотношеніе къ духовному стиху останется въ силѣ.

Въ этомъ мы убѣдимся путемъ наблюденія надъ объемомъ „старинъ“ старшаго времени сравнительно съ былинами младшаго, если возьмемъ среднюю величину каждой отдѣльной быliny на отдѣльный сюжетъ. Не говоря уже о томъ, что въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ мы не встрѣтимъ по объему равныхъ былинамъ о Добрынѣ и Алешѣ или Добрынѣ и Казимирѣ, обнимающимъ первая 1090 стиховъ, вторая 1020, мы не найдемъ среди нихъ и близко подходящихъ по объему къ былинамъ средней величины: самая крупная „старинка“ о Грозномъ въ среднемъ занимаетъ только стиховъ 170—180 въ общемъ, тогда какъ средняя цифра для былинъ о Потокѣ Михайловичѣ выразится цифрой 480—500; самая малая былина—о Вольгѣ и Микулѣ—обнимаетъ 100—110 стиховъ въ среднемъ, а пѣсня о Григоріи Отрепьевѣ только 40—45, при чемъ мы встрѣчаемъ между поздними пѣснями (Король Прусскій) даже пѣсни въ 20 строкахъ ¹⁾. Въ средѣ же историческихъ пѣснѣвъ не лишено интереса отмѣтить преобладаніе сравнительно краткихъ и даже весьма краткихъ стихотвореній и сравнительно небольшое ихъ численное количество: если быliny о Грозномъ еще приближаются къ средней и малой старой былинѣ, то пѣсни

1) Для наглядности присоединяю табличку съ указаніемъ средняго числа стиховъ, полученнаго мною по былинамъ Гильфердинга, при чемъ указываю также самую краткую и самую полную быlinу (не считая скожканнаго или безъ конца, который забылъ сказитель): Потыхъ 480—500 (284—1129), Дюкъ 430—450 (111—642), Садко 400—390 (115—601), Добрыня и змѣй 350—400 (336—589), Илья и Калинь 330—340 (160—615), Дунай 290—300 (177—452), Добрыня и Алеша 250—300 (147—1090), Ставеръ 250—280 (192—371), Илья и Соловей 220—230 (107—471), Василий Буслаевъ 200 (144—260), Вольга 200 (195—205), Соловей Будимировичъ 190—180 (114—285), Илья и сынъ 160—180 (106—338), Илья и Идолице 140—160 (107—274), Королевичи изъ Крякова 140—150 (118—306), Хотень Блудовичъ 140—150 (109—182), Чурило (смерть) 140—150 (93—175), Повздки Илья 120—130 (113—153), Добрыня и Марина 110—120 (64—153), Вольга и Микула 100—110 (51—184), Грозный 170—180 (110—290), Навъздъ Литвы 160—170 (138—198), [Батыга 150—160 (49—265)], Авдотья Рязанка 140, [Ермакъ 130—140 (36—185)], Кострюкъ 100—110 (98—127), Азовъ 75—80 (60—92), Щелкачъ 70—80 (37—95), Земскій соборъ 70—75 (69—83) Скопичъ 70, Петръ Великій 60, Отрепьевъ 40—45 (30—68), Стенька Разинъ 40—45, Шведская война 30—40, Взятіе Казани 30—40, Король Прусскій 20. Пѣсни о Батыгѣ, какъ представляющія передѣлку былинъ объ Ильѣ, и Ермакъ, также созданный на основахъ подобныхъ же былинъ объ Ильѣ, считаю не характерными для даннаго случая и любопытными въ иномъ отношеніи.

Б. 759380

о Щелканѣ, Скопинѣ, рѣдко, даже въ наиболѣе обширныхъ пересказахъ, заходятъ за предѣлы малой былины старшаго происхожденія; если мы можемъ насчитать отъ 35—40 сюжетовъ для былины старшаго времени, дожившихъ до нашихъ дней (Миллеръ, Вс., Очерки, 83), то для позднихъ былины мы найдемъ уже гораздо меньше (отъ 15—20). При этомъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго: нѣкоторые сюжеты историческихъ пѣсень (Батыга, Ермакъ) представляютъ изъ себя ясное приспособленіе старой темы къ позднимъ событіямъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между историческимъ событіемъ и объемомъ этой исторической пѣсни: чѣмъ позднѣе событіе, тѣмъ въ большинствѣ случаевъ будетъ и короче пѣсня; конечно она будетъ, разумѣется, короче старой „старинки“. Эти общія наблюденія надъ былиной даютъ нѣкоторое право предполагать, что старая былина, перешедшая съ юга на сѣверъ или зародившаяся на сѣверѣ, дала происхожденіе поздней былины (исторической пѣснѣ) тогда, когда былинное творчество вообще стало уже менѣе интенсивно: сюжеты Московскаго и, можетъ быть, даже московско-суздальскаго времени не могли уже излагаться въ такомъ обширномъ видѣ, какъ старшая былина; иначе: творчество уже ослабѣвало по части созданія былины, какъ въ смыслѣ объема, такъ и числа входящихъ въ обработку сюжетовъ. Расцвѣтъ же исторической пѣсни приблизительно надо относить къ XVI вѣку (Грозный, Ермакъ), но и тогда уже творчество въ этой области иногда оказывалось слабымъ настолько, что прибѣгало къ перелицовкѣ стараго репертуара на новый ладъ, какова былина о Ермакѣ, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ объемъ пѣсни все короче и короче.

Духовный стихъ, какъ извѣстно, точно также въ это время получаетъ свое развитіе: конецъ XV—XVII в.—время созданія стиха въ той формѣ, какъ мы его знаемъ теперь. А это хронологическое опредѣленіе вполнѣ подтвердится и объемомъ нашего духовнаго стиха, поскольку этотъ объемъ выражаетъ степень творческой силы: нашъ духовный стихъ, живущій тою же жизнью, что и былина, въ самыхъ крупныхъ своихъ представителяхъ едва достигаетъ объема средней, а чаще малой былины. Еще въ одномъ отношеніи можно намѣтить аналогію между былиной и духовнымъ стихомъ, именно въ особенностяхъ стиха: въ позднихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ въ устную передачу изъ кантовъ и псалмь, можно замѣтить вліяніе школьныхъ виршъ въ видѣ стремленія сохра-

нить не только славянизмы условнаго школьнаго языка стихотворенія, но и риѣму, хотя, разумѣется, далеко не послѣдовательно, напр.

Жиды совѣтъ сотворяли	И ко смерти Его предати.
И они думали-гадали,	Гуда жидамъ и тѣчилиъ,
И хотятъ Христа-Бога поймати,	Да самъ и прорѣчилъ и т. д. ¹⁾

Это же вліяніе книжной риѣмованной поэзіи, которое можетъ быть понятно въ духовномъ стихѣ, тѣсно связанномъ съ книжной литературой и возникавшемъ преимущественно въ связи со школой, это же явленіе находимъ и на сѣверѣ, гдѣ школьная лирика далеко не могла такъ далеко простираться свое вліяніе, какъ южнѣ, и въ исторической пѣснѣ, которую поетъ тотъ же сказитель, что и старую былинѣ; если здѣсь мы найдемъ еще меньше послѣдовательности въ стремленіи къ риѣмѣ, то во всякомъ случаѣ должны будемъ замѣтить, что тяготѣніе къ созвучію въ концѣ стиха, весьма близкому уже къ риѣмѣ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ становится замѣтнѣе; его не чужда и старая былина, но здѣсь она не бросается такъ въ глаза, и примѣры его довольно ограниченны, не пестрятъ такъ былинѣ, какъ въ болѣе позднихъ „старинкахъ“; это болѣею частью „эпическая“ тавтологія, усиливающая, какъ повтореніе съ небольшимъ новымъ оттѣнкомъ, первый членъ повторенія; напр.

126. Тутъ то Добрыня закручинился,	Онъ повѣсилъ голову самѣи зени.
Тутъ то Добрыня запечалился.	Подходить къ ему родна матушка,
Онъ приходитъ Добрыня во своей	Она стала Добрынюшку выспрашивати
какъ домъ,	Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
Онъ садился на брусѣву нову	„О чемъ ты, Добрынюшка, кручинишься?“
лавочку,	„О чемъ ты, Добрынюшка, печалишься?“

Отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушкѣ:

— Не объ чѣмъ я Добрыня не кручнюся
 — Не объ чѣмъ я Добрыня не печалюсь.
 — Только дай-ко мнѣ-ка, матушка, прощеньицо

140. — Только дай-ко мнѣ благословеньицо...

Гильфердингъ (№ 64).

Далѣе въ той же былинѣ мы не найдемъ уже такой группировки созвучій въ концѣ. Если же мы возьмемъ позднюю былинѣ или пѣсню, то, кромѣ иного построенія стиха, уже болѣе короткаго, нежели въ старой былинѣ, замѣтимъ тяготѣніе къ созвучнымъ

¹⁾ Калѣки, IV, 199 (№ 372).

окончаніямъ, довольно рѣшительное у пѣвца. Если въ былинѣ о Кострюкѣ (№ 24) еще не такъ бросается въ глаза пристрастіе къ созвучіямъ, то всеже не обратить на него вниманія нельзя:

Въ той было столичъ,	Съ Кострюкомъ-то поборотися
Въ дальнею граничъ	Съ удалымъ попытатися,
Была поляница та крымская,	Съ плеча да богатырскаго
Царица татарская	29. Съ личья-то молодецкаго.
5. Съ Кострюкомъ пріумиласи,	
Съ молодымъ сговариласи	32. Еще есть у меня борци на дворци
Ѣхать въ царство русійскоё	Ай удалы добры молодцы,
8. Государство московскоё	Съ Кострюкомъ-то попытатися
	Съ молодымъ поотвѣдати
16. Чтوبъ палаты онъ разглаживаль,	А ѡ плеча да богатырскаго,
А ёнъ ѣтвы-ты налаживаль,	39. А личья его да молодецкаго.
А ёнъ питья-ты да пристанавливаль,	
	44. И не бьются есть не борются,
24. Есть ли борци на дворци,	45. Одной кашки есть напорются.
Да удалы добры молодцы	

Такое же стремленье замѣтно, напр. и въ пѣснѣ о князѣ Михайлѣ (№ 299), которая начинается прямо рифмованной по-словницей:

Женился—не спросился,
 Повѣнчался—не сказался.
 Далѣе: Его матушка родима
 Скоро съ двора проводила,
 Парку баенку топила

 Князь Михайло прослезился,
 Въ Опегушко бросился...

Въ пѣснѣ объ Азовѣ прямо группами попадаютъ созвучія (№ 37):

54. Какъ пятьсотъ телѣжекъ просмотрили,
 Еще другіихъ телѣжекъ не суслиги,
 Они вѣхъ они возовъ-то запустили,
 Они зачали въ Азовѣ торговати,
 А своихъ они товаровъ продавати,
 А заморскіихъ они стали покупати,
 А булатнѣихъ возцовъ тыхъ отдирати,
 Еще черныхъ юхтовъ тыхъ открывати,
 Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
 Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
 Они начали въ Азовѣ шурмовати,
 65. Да начали турчановъ убивати.

Если въ пѣснѣ объ Азовѣ еще можно приписывать это тому, что эта былина пришлая (ср. Гильфердинга, I, 58—59), то въ пѣснѣ о Казани (№ 160), пѣтой Касьяновымъ рядомъ съ былинной о Дюкѣ и Потыкѣ, мы опять отмѣтимъ наклонность къ созвучнымъ окончаніямъ стиховъ ¹⁾:

5. Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Судой за рѣку бочки съ порохомъ катилъ.
.....
9. А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ.
.....
18. Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися
Призадумалися да припечалилися.
.....
21. Ты позволъ, государь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить.
.....
26. Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
.....
31. Подъ святѣй Русью непобѣдимую,
Непобѣдимую Богѣмъ любимую ²⁾.

Еще рѣшительнѣе это же стремленіе отмѣтимъ въ балагурныхъ пѣсняхъ, шуточныхъ старинкахъ, напр. въ пѣснѣ про „Большого быка“ (№ 297). Здѣсь запѣвъ ясно риѣмуется:

Да всѣ-то теперь разбѣжались,	Да, бояра, послушайте.
Да всѣ-то теперь роскучались,	Да мужички ты земекіе
И со того со двора со боярскаго	И старички деревенскіе,
Да съ того помѣстья государскаго:	Да ребятушки мѣхотные
Да, князья, послушайте,	Да крестьянушки пѣхотные.

¹⁾ Касьяновъ грамотный, любитель церковныхъ книгъ (Гильфердингъ, II, 516). Однако это не отразилось въ сторону риѣмы въ его былинахъ. Ясно, что его грамотность здѣсь ни при чемъ. Вся пѣсня очень короткая—32 стиха.

²⁾ Число примѣровъ можно бы увеличить для „исторической пѣсни“ и еще: тѣ же, напр., особенности въ стилѣ и настроеніи найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣдующемъ времени кончая смертью Петра I, записанныхъ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Мордוצевой въ Саратовской губ. (см. „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, IV (1862, отд. 2, стр. 27 и сл.).

Въ самой старинѣ то же стремленіе:

21. Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
Да не ѣлъ ли онъ да ни лебедятинки
Захотѣлъ поветъ урослой телятинки.

Въ варьянтѣ (№ 303) еще чаще:

35.	Да какъ самъ то похаживаетъ,
Да какъ самъ то покрывиваетъ,
Бородой то потряхиваетъ,
Да какъ самъ выговариваетъ.
.	Да завелъ быка въ рожицу,
Привязалъ быка къ деревцу.
Да какъ самъ то похаживаетъ,
Да какъ самъ приговариваетъ
— Да какъ кто-то быка-то увёлъ,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушелъ,
— Да какъ кто съ быка кожу сдерётъ
46.	Да онъ часто по Волги ходилъ
Да онъ много-то сѣлъ тамъ гро-
милъ	— Да и тотъ концомъ пропадѣтъ.
Да какъ былъ то Алѣша мясникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него кленики востры.
Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ
Да какъ ткнулъ кленикомъ-то въ бокъ...
54.	Да какъ онъ воръ догадивъ былъ
Быку липовы лапотцы обулъ,
Наперѣдъ онъ пятами повернулъ
Да какъ быка-то увёлъ	

Говорить объ этихъ измѣненіяхъ въ стилѣ старинной былины, какъ о результатѣ прямого вліянія книжной рифмованной поэзіи (что вполнѣ умѣстно въ духовномъ стихѣ), въ данномъ случаѣ едва ли можно. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, стремленіе къ созвучіямъ въ концѣ стиха характеризуетъ преимущественно пѣсню уже иного пошиба—шуточную, сатирическую, слабѣе историческую, еще слабѣе былину. Въ этой послѣдней, кромѣ указаннаго выше примѣра „эпической тавтологіи“, можно замѣтить нѣкоторую наклонность къ созвучіямъ въ „зачинахъ“ и концахъ былинь, гдѣ зачинъ или конецъ этотъ носить прибауточный характеръ (ср. Вс. Миллеръ, Очерки, 34—35) напр., въ былинѣ о Батыгѣ (№ 60, 18).

Толстобрюхія бабенки Лѣмшозѣрочки,
Ай пучеглазья бабенки Пошозѣрочки,
Ай Дунай, Дунай, Дунай,
Да болъ пѣть впередъ не знай.

Эти прибаутки по своему характеру, отразившемуся въ иныхъ случаяхъ и на самой былинѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ когда то существовавшихъ специалистовъ въ обработкѣ былинь—веселыхъ людей-скомороховъ (Миллеръ Вс., Очерки, 52). Люди

эти, сколько мы знаемъ о нихъ, не были чужды нѣкотораго знакомства съ искусственной поэзіей, хорошо знали и народную, устную, существовали еще въ XVIII вѣкѣ (свидѣтельство В. Н. Татищева)¹⁾; они то и наложили свою печать на былинну, преимущественно позднюю, на „былинну-новеллу“, по терминологіи Вс. О. Миллера, но коснулись и старой былины, напр., о Василии Буслаевѣ, какъ это замѣтилъ И. Н. Ждановъ²⁾. Если мы представимъ себѣ скомороховъ, вообще старыхъ профессиональныхъ былинныхъ пѣвцовъ, такимъ посредствующимъ звеномъ между книжной поэзіей и устной, и отнесемъ на долю этихъ специалистовъ выработку и самой формы устной поэзіи, то не будетъ, полагаю, ошибкой, на долю этихъ специалистовъ отнести и стремленіе къ риѣмѣ. Хронологически эти „риѣмованныя“ пѣсни должны быть признаны поздними по происхожденію и своей обработкѣ, т. е. въ нихъ мы можемъ наблюсти уже иные вкусы относительно поэзіи и ея формы, отразившіеся и на старой былинѣ. Иной вопросъ: откуда идетъ эта форма? Отвѣтить на него можно только гадательно: риѣмованная поэзія книжная съ XVII вѣка получаетъ у насъ права въ литературѣ, нѣкоторое стремленіе къ созвучію (параллель такъ называемой „аллитераціи“ другихъ народныхъ словесностей) не чуждо и раньше нашей народной поэзіи, напр. загадкѣ, особенно пословицѣ. Поэтому, нельзя ли видѣть расширение этой черты народной поэзіи подъ влияніемъ риѣмачества XVII—XVIII в. въ отмѣченномъ нами стремленіи къ созвучію и риѣмѣ и въ народной пѣснѣ указанного характера въ рукахъ профессиональныхъ пѣвцовъ, ближе соприкасавшихся съ книжной литературой, нежели пѣвцы и пѣвицы обрядовой пѣсни? Въ связи съ этимъ надо представлять себѣ и другое измѣненіе формы: укороченіе стараго былиннаго стиха въ исторической пѣснѣ и въ шуточной, на что указано было выше. Эта черта даетъ опять параллель къ искусственной поэзіи, которая также (до силлабовъ Полоцкаго и Кантемира) предпочитаетъ короткій стихъ длинному:

¹⁾ Исторія Россійская I, 44 (Сиб. 1768). Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, въ когорыхъ женъ его именами, такожъ о сильныхъ людяхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долкѣ Степановичѣ и проч. упоминають и дѣла ихъ прославляють“. Ср. Миллеръ Вс., Очерки, стр. 63--64.

²⁾ Былевой эпосъ, стр. 401.

нашъ кантъ и псалма ¹⁾ также въ отличіе отъ стараго стиха, построеннаго на манеръ старой былины (напр., стихъ о Θεодорѣ Тиронѣ), и въ народной передачѣ сохраняетъ короткій стихъ, какъ и большинство духовныхъ стиховъ народнаго происхожденія предпочитаютъ стихъ болѣе короткій, нежели былинный.

Все сказанное до сихъ поръ о риѣмѣ и формѣ стиха въ былинѣ и духовномъ стихѣ заставляетъ еще разъ считать духовный стихъ и позднюю „старинку“ одинаково поздними по происхожденію, т. е. связать и форму стиха и объемъ ихъ съ позднимъ временемъ и измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ ²⁾. Съ другой стороны, отсюда же слѣдуетъ, что, если форма стиха, въ частности его короткость и стремленіе къ созвучіямъ, едва-ли могутъ быть и для „старинки“ и для духовнаго стиха возводимы къ одному источнику непосредственно: въ былинѣ это стремленіе объясняется влияніемъ книжной поэзіи черезъ посредство народнаго созвучія и специалиста по народной поэзіи, въ духовномъ стихѣ непосредственно переходомъ канта и псалмы; въ менѣе книжныхъ стихахъ отношеніе къ народной былинѣ будетъ т. о. тѣнѣе. Такимъ образомъ, если аналогія, намѣченная нами выше, и есть, то объясненіе ея для каждой группы—былины и стиха—будетъ не одно и то же, а будетъ обобщаться только на почвѣ *общаго* источника, которымъ каждая группа воспользовалась иначе: аналогія будетъ указывать на общее измѣненіе вкуса въ позднее время XVII—XVIII вѣка.

Я умышленно остановился на формѣ и объемѣ духовнаго стиха и былины: сравненіе ихъ даетъ, какъ видимъ, матеріалъ для ихъ исторіи при взаимномъ ихъ сопоставленіи и оправдываетъ мысль, что эта связь между ними есть и на дѣлѣ въ условіяхъ времени, когда возникала поздняя былина и духовный стихъ. А это и виѣшнимъ образомъ подтверждается тѣмъ, что, не раздѣляя строго обѣ области поэзіи въ своемъ сознаніи, пѣвецъ былинѣ объединяетъ въ своемъ репертуарѣ иногда и духовный стихъ, особенно былино-образный, и настоящую богатырскую былинку и

¹⁾ Подробнѣе см. П. И. Житѣцкій. Мысли о малорусской думѣ (Кіевъ 1893), стр. 160 и сл.

²⁾ Сказанное справедливо будетъ относительно поздней исторической малорусской пѣсни—думы. См. Житѣцкій, у. с., стр. 3 и слѣд.

повеллу, а калика знаетъ также иногда и былины, нѣсколько окрашивая ихъ чертами своей профессіи. Здѣсь калика, впрочемъ, нѣсколько ригористичнѣе, какъ мы видѣли, былиннаго сказителя (Фепоновъ, см. выше): причина этого въ томъ, что калика еще сохраняетъ черты профессиональнаго пѣвца, сказитель же былины уже пересталъ имъ быть. Наконецъ, и на сѣверѣ, гдѣ калика имѣетъ въ своемъ распоряженіи былинный матеріалъ для расширенія своего репертуара по требованію вкусовъ современныхъ ему слушателей, расширеніе это происходитъ въ ту же сторону, что и у южнаго калики, былинь не знающаго: онъ въ число своихъ задачъ включилъ уже и забаву слушателей и, хотя неохотно, внесъ въ репертуаръ уже шуточные произведенія: калика Фепоновъ, пѣвшій духовные стихи и былины, такъ же какъ его учитель Мѣщаниновъ, поетъ веселыя „небылицы“ (Гильфердингъ, I, 456, прим.; ср. В. Миллеръ, Оч., 35), а также шуточную сатирическую „поэму“ Птицы (№ 62); пѣвецъ былинь Заваль (Гильфердингъ, III, 473—474) знаетъ только двѣ былины, а больше сказокъ, шутливыхъ повѣстичекъ, а въ числѣ ихъ и „Большого Быка“ (№ 303); человѣкъ это бывалый, исколесившій чуть не всю Россію, стало быть, до известной степени не представитель только мѣстныхъ узкихъ вкусовъ. Нашъ Артамоновъ, какъ мы это уже видѣли, также, несмотря на свое каличество, невольно расширилъ свой репертуаръ въ ту же сторону, распѣвая Камаринскую и Θому съ Еремой. Ясно, что въ настоящее время потребность въ народной пѣснѣ, преимущественно шутливаго, забавнаго характера, можетъ считаться общераспространенной: отъ пѣсни требуютъ не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи. Вотъ и съ другой стороны мы приходимъ къ тѣмъ же наблюденіямъ, какія мы получили и раньше, на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ исполнителемъ духовнаго стиха: репертуаръ и содержаніе былинь и духовныхъ стиховъ даютъ намъ одинаковыя показанія. Такимъ образомъ, какъ былинѣ приходится считать у современныхъ исполнителей выраженіемъ старой традиціи, а историческую и шутливую пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также и духовный стихъ современнаго калики—остатокъ старой профессиональной традиціи, а его мірскія пѣсни уже искаженіе этой традиціи. Поэтому мы въ нашемъ изученіи современной каличьей

литературы смѣло можемъ раздѣлять эти области: рѣзкое различіе по характеру между духовнымъ стихомъ и веселой пѣсней не допускаетъ даже такого взаимовліянія двухъ областей, какое мы могли намѣтить въ былинѣ: духовный стихъ скорѣе пропадетъ самъ, нежели превратится въ шуточныйъ. Въ немъ могутъ имѣть вліяніе другія—болѣе, такъ сказать, серьезныя—области творчества, каковы, напр., обрядовыя пѣсни, суевѣрія, но никакъ не балагурная шутка, это наслѣдіе скомороха и народнаго юмора. Поэтому, не рискуя сдѣлать ошибку въ методѣ, мы можемъ обратиться къ изученію духовнаго стиха Артамонова, оставя въ сторонѣ его Камаринскую и Θому съ Еремой, и обратиться прежде всего къ сравнительному изученію репертуара его. Кое-какія общія замѣчанія мною уже сдѣланы. Болѣе детальное ознакомленіе дастъ возможность дополнить сказанное.

По мѣстностямъ, гдѣ записаны стихи, мы можемъ отчасти судить о большей или меньшей популярности того или другого стиха вообще: чѣмъ разнообразнѣе эти мѣстности, тѣмъ шире районъ его распространенія. То же указаніе даетъ и частое или рѣдкое помѣщеніе того или другого стиха въ репертуаръ пѣвца: стихъ, помѣщаемый въ репертуаръ часто, записанный у многихъ пѣвцовъ, репертуаръ которыхъ извѣстенъ, надо признать любимымъ стихомъ, популярнымъ. На основаніи этихъ принциповъ Варенцовъ (Сборникъ духовныхъ стиховъ, Спб., 1860) призналъ любимыми мотивами каличьихъ пѣсень: житіе Алексѣя, Божьяго человѣка, притчу о Лазарѣ, стихи о страшномъ судѣ (стр. 5); тотъ же ходячій репертуаръ для каликъ сѣвера призналъ и Гильфердингъ (Онежск. Былины, I, 15). То же наблюденіе вынесемъ и мы, если прослѣдимъ репертуаръ тѣхъ пѣвцовъ, съ которыми имѣлъ дѣло Безсоновъ. Пѣвцы эти идутъ изъ различныхъ мѣстностей: *Орловск. губерніи, с. Руднева, Мценска, Болоховскаго уѣзда той же губ., Валдайскаго у., Осташкова, Серпуховскаго у., Можайскаго, Тульск. губ., Смоленской губ., Московск. губ. (Саларево) и др., вообще изъ средней полосы Россіи; стихи, ими пѣтые, могутъ считаться для этихъ мѣстъ популярными, если они часто встрѣчаются въ репертуарѣ пѣвцовъ* ¹⁾.

¹⁾ Этотъ подсчетъ темъ и стиховъ я нѣсколько расширю, прибавляя къ репертуарамъ нашихъ пѣвцовъ данныя изъ сборника Безсонова, при чемъ

На первомъ мѣстѣ по популярности придется поставить стихи о *Страшномъ судѣ*: пѣвцы и пѣвицы Безсонова ¹⁾ знали ихъ больше другихъ, при чемъ каждый исполнитель зналъ ихъ по нѣскольку разныхъ: такъ, Телѣнковъ зналъ 3, Ларіонъ 2, Дюдюковъ,

приняты во вниманіе только стихи, идущіе изъ записей отъ сказителей, и опускаются идущіе изъ старыхъ тетрадокъ. Въ вопросѣ о степени распространенія стиха въ наше время этотъ подсчетъ можетъ дать нѣкоторое представленіе о популярности, не претендуя на точное цифровое опредѣленіе. Здѣсь репертуаръ не играетъ такой роли, какъ въ анализѣ творческой способности пѣвца.

¹⁾ Для большей наглядности привожу составленные мною изъ Безсоноваго сборника репертуары его пѣвцовъ (см. выше, прим.), присоединяя №№ по изданію (налѣво) и число строкъ въ каждомъ стихѣ (направо): I. *Телѣнковъ*: 1) 323. Жена милосердая (57), 2) 450. Страшный судъ (14), 3) 451. Тоже (39), 4) 500. Тоже (39), 5) 484. Чудная царице Богородице (65), 6) 575. Василий Кесарійскій (125), 7) 584. Двѣнадцать пятницъ (202), 8) 616. Сонъ Богородицы (70), 9) 662. Плачъ Адама (62), 10) 675. Житіе человѣческое (37), 11) 603. Прасковья-Пятница (27). II. *Ларіонъ*: 1) 321. Жена милосердая (54), 2) 374. Распятіе (и плачъ Богородицы) (73), 3) 459. Страшный судъ (62), 4) 497. Тоже (116), 5) 483. Пречудная царице Богородице (81), 6) 573. Василий Кесарійскій (55), 7) 593. Двѣнадцать пятницъ (48), 8) 652. Плачъ Адама (64). III. *Дюдюкинъ*: 1) 77. Голубиная книга (148), 2) 98. Егорій (152), 3) 122. Ѳедоръ Тиронъ (214), 4) 140. Борисъ и Глѣбъ (126), 5) 317. Рождество Х-во (25), 6) 322. Жена милосердая (90), 7) 454. Страшный судъ (39), 8) 502. Тоже (62), 9) 377. Распятіе (и плачъ Богор.) (12), 10) 656. Плачъ Адама (32), 11) 23. Лазарь (134), 12) 48. Иоасафъ-царевичъ (52). IV. *Бороздинъ*: 1) 46. Иоасафъ-царевичъ (63), 2) 79. Голубиная книга (99), 3) 100. Егорій (188), 4) 372. Распятіе (36), 5) 485. Чудная царице Богородице (58). 6) 452. Страшный судъ (43), 7) 507. Тоже (180), 8) 613. Сонъ Богородицы (48), 9) 614. Тоже (66). 10) 664. Плачъ Адама (71). V. *Лукерья*. 1) 25. Лазарь (148), 2) 32. Алексѣй, чел. Бож. (325), 3) 43. Плачъ Иосифа (20) — („рукоп.“) 4) 44. Тоже (19) („рукоп.“) 5) 58. Иоасафъ-царевичъ (72). 6) 115. Егорій (133), 7) 134. Димитрій Солунскій (88), 8) 314. Рождество Х-во (32), 9) 465. Страшный судъ (26) („рукоп.“), 10) 466. Тоже (27), 11) 469. Тоже (71), 12) 511. Тоже (112). VI. *Прасковья*. 1) 20. Лазарь (117), 2) 113. Егорій (126 безъ конца), 3) 172. Дочь тысячника (41; безъ конца), 4) 391. Плачъ Богородицы (42; „хождение“), 5) 400 д. Тоже (30), 6) 604. Прасковья-Пятница (12). VII. *Дорженниковъ*. 1) 78. Книга Голубиная (139), 2) 47. Иоасафъ-царевичъ (90), 3) 99. Егорій (187), 4) 141. Борисъ и Глѣбъ (111). VIII. *Рылинскій*. 1) 574. Василий Кесарійскій (85), 2) 581. Двѣнадцать пятницъ (111), 3) 663. Плачъ Адама (48). IX. *Антонъ*. 1) 461. Страшный судъ (68), 2) 653. Плачъ Адама (116 въ полустихахъ). X. *Антимъ*. 1) 76. Голубиная книга (182), 2) 572. Василий Кесарійскій (162). XI. *Онисимъ*. 1) 84. Голубиная книга (165), 2) 331. Жена милосердая (70).

Бороздинъ по два, а Лукерья даже 4, нашъ Артамоновъ зналъ также два. Сюда же по содержанію надо присоединить стихъ о чудной царицѣ, который встрѣтился у троихъ изъ нашихъ пѣвцовъ, тѣхъ, которые знали и предыдущіе стихи о Страшномъ судѣ. Это наблюденіе надъ рядомъ частныхъ случаевъ, каковы наши, подкрѣпляется и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: группа стиховъ о Страшномъ судѣ принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ и въ сборникѣ Безсонова (вып. 5): у него оказалось собранными изъ устъ сказителей *восемь* разновидностей этой темы въ 60 слишкомъ пересказахъ, не считая массы тѣхъ же стиховъ, найденныхъ въ тетрадкахъ; среди нихъ оказался по количеству наиболѣе популярнымъ стихъ съ началомъ:

Плачемъ ужасаемъ,
На Страшный часъ помышляемъ,

создавшійся, кстати сказать, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ извѣстнаго церковнаго пѣснопѣнія въ чинѣ по усопшемъ; этотъ стихъ далъ Безсонову 22 записи. Его спѣлъ и нашъ Артамоновъ. Наименьшей популярностью въ этой группѣ пользуется стихъ съ началомъ:

Придетъ вамъ время предпоследня
Будетъ нашимъ грѣшнымъ душамъ разсужденія,

спѣтый только Лукерьей (Смол. губ., Краснинск у. дер., Кислое; № 511). Но этотъ же стихъ знаетъ и Артамоновъ, озаглавливая его именемъ „Архангела Михаила“¹⁾, какъ это дѣлаютъ и другіе пѣвцы, относя это заглавіе къ стиху:

Еще бы зналъ человекъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы силой поработалъ²⁾.

Затѣмъ, по популярности слѣдуетъ вторымъ у нашихъ пѣвцовъ поставить извѣстный *плачъ Адама*: его дали шестеро изъ пѣвцовъ Безсонова. Это одинъ изъ самыхъ старыхъ стиховъ, встрѣчающихся въ нашей письменности и давно уже извѣстный по своей связи съ апокрифич. сказаніями объ Адамѣ³⁾, весьма часто встрѣчающихся у каликъ: у Безсонова 17 устныхъ записей, и

¹⁾ У Лукерьи онъ зовется „Грѣшница“; Ср. Безсоновъ, V, 232, прим.

²⁾ № 512—516; ср. примѣч. къ № 511 у Безсонова (V, 236).

³⁾ Вторая редакція „Адама“; см. Тихонравова „Пам. отр. лит.“, I, 299.

рядъ записей въ тетрадкахъ. Нашъ Артамоновъ этого стиха не знаетъ, почему—сказать трудно; можетъ-быть, причина этого лежитъ въ томъ, что стихъ объ Адамѣ пользуется распространениемъ среди раскольниковъ (ср. Безсонова, № 632—634); въ мѣстности же, гдѣ живетъ Артамоновъ, кажется, не видно вліянія раскольниковъ, т.-е. нѣтъ данныхъ для поддержанія интереса къ стиху; а можетъ быть—это и случайность.

Не меньшей популярностью пользуются у нашихъ пѣвцовъ и „Страсти“, т. е. стихи о крестной смерти Спасителя, плачь Богородицы; сюда же по содержанию близко подходит и извѣстный „Сонъ Богородицы“: первые оказались въ репертуарѣ четырехъ изъ пѣвцовъ Безсонова, у одной пѣвицы даже два разныхъ плача; второй у двухъ, при чемъ одинъ калѣка зналъ два стиха объ одномъ и томъ же. Всѣ эти стихи представляютъ нѣсколько разнообразныхъ обработокъ темы, по меньшей мѣрѣ, четыре, не считая Сна Богородицы, и дали тридцать слишкомъ пересказовъ Безсонову (не считая взятаго изъ тетрадокъ). И нашъ Артамоновъ зналъ два стиха о Распятіи, одинъ названный имъ „Христе Боже“ и подходящий подъ первую группу Безсонова, съ началомъ:

Жиды совѣтъ сотворили
И ови думали гадали ¹⁾,

другой, коротенькій, не подходящий ни подъ одинъ изъ напечатанныхъ Безсоновымъ. Знаетъ онъ и „Сонъ Богородицы“, близко подходящий къ стиху съ началомъ:

Сонъ Богородицы явился.
Свѣтъ Мать и Марія Пресвятая
Съ вечери въ раю почивала ²⁾

Часто встрѣчается у пѣвцовъ и стихъ о *Георгіи*, пять пересказовъ котораго дали пѣвцы Безсонова, всего записей у него 17, всѣ изъ устъ пѣвцовъ; небольшое число стиховъ о Георгіи сравнительно съ предыдущими находятъ себѣ объясненіе въ объемѣ стиха, принадлежащаго къ числу довольно обширныхъ (до 200 строкъ и болѣе); этотъ стихъ въ довольно полномъ видѣ знаетъ и нашъ Артамоновъ.

¹⁾ Безсоновъ, V, 199 (№ 372).

²⁾ Тамъ же VI, 197 (№ 616).

Приблизительно такъ же популярна у пѣвцовъ и *Голубиня книга* (четверо изъ пѣвцовъ Безсонова; 16 записей всего). Артамоновъ знаетъ про нее по слухамъ, но не поетъ (см. выше).

Стихъ о *Лазарь*, какъ близко подходящій по содержанию къ положенію слѣпцовъ-нищихъ, по мнѣнію собирателей, считается типичнымъ стихомъ каличьимъ; но у Безсонова знали его только трое, всего у него набралось только семь записей. Скорѣе всего это можно счесть индивидуальной особенностью собраннаго матеріала у Безсонова: эти стихи часто попадались другимъ собирателямъ напр: (Варенцову, стр. 66 слѣд. 212 слѣд.). Обстоятельный стихъ даетъ и нашъ Артамоновъ.

Въ подобномъ же положеніи приходится считать и стихъ *объ Алексѣ, человекѣ Божіемъ*, хотя только одинъ разъ попался Безсонову онъ у его пѣвцовъ, и только восемь пересказовъ вошло въ его сборникъ; нельзя не отмѣтить и того, что стихъ *объ Алексѣ* принадлежитъ къ числу такихъ же объемистыхъ, какъ и стихъ о *Георгіи*; тѣмъ не менѣе онъ и помимо Безсонова попался собирателямъ (Варенцовъ, 219—228). У Артамонова стихъ *объ Алексѣ* оказался самымъ крупнымъ по объему—380 строкъ.

Короткаго, но весьма популярнаго, скорѣе всего благодаря тѣсной связи съ идеями раскольничьихъ сектъ, стиха *о царевичѣ Иоасафѣ*, въ пустыню отходящаго, у нашего Артамонова не оказалось, хотя четверо пѣвцовъ Безсонова его знали, а ему удалось собрать болѣе 25 записей въ двухъ или трехъ версіяхъ. Объяснить отсутствіе этого стиха у нашего пѣвца затрудняюсь. На ряду съ этимъ стихомъ по популярности слѣдуетъ поставить стихъ *о Василии Кесарійскомъ* (собственно о хмѣльномъ питіи), давшій три записи Безсонову у его пѣвцовъ, всего собравшему семь записей; его не знаетъ нашъ Артамоновъ.

Къ циклу *рождественскихъ* стиховъ, очень слабо (два пѣвца) представленныхъ пѣвцами Безсонова и очень обильно по числу и разнообразію записями чужими и книжными (около восьмидесяти), надо отнести довольно популярный стихъ *о женѣ милосердой*, давшій четыре записи непосредственно и всего до 15 другихъ. Послѣдній стихъ въ своей популярности, можетъ быть, поддерживался вліяніемъ раскольниковъ-сектантовъ (напр. самосожигателей). Эта скудость записанныхъ рождественскихъ собственно стиховъ у Безсонова объясняться можетъ, скорѣе всего временемъ, когда запи-

сывалъ Безсоновъ свои стихи: несомнѣнно, тѣсно связанные съ „славленьемъ“, они должны были быть извѣстны и его пѣвцамъ; если Безсоновъ записывалъ у пѣвцовъ, нами выбранныхъ, не на Рождествѣ или вообще не близко ко времени святокъ, то онъ могъ и не услышать этого стиха, какъ приуроченнаго къ опредѣленному времени: Артамоновъ пропѣлъ этотъ стихъ, прибавивъ, что поется онъ на святкахъ. Другіе пѣвцы, мною слышанные, также пѣли стихъ по приглашенію. Это подтверждаетъ и масса записей этого стиха, попавшая въ руки Безсонова. „Милосердой жены“ Артамоновъ не поетъ.

Наконецъ, къ числу стиховъ, довольно распространенныхъ, надо отнести стихъ *о двѣнадцати пятницахъ* (у Безсонова три пѣвца, 9 пересказовъ, одинъ прозаическій). Популярность этого стиха ясна по связи его съ извѣстной апокрифической статьей Папы Климента, распространенной въ массѣ списковъ, съ XV в. ¹⁾ Нашъ Артамоновъ, начавши пѣть въ стихахъ, переходитъ къ пѣвучему сказыванію, какъ, вѣроятно, сказывалъ и Оома Киселевъ, отъ котораго имѣлъ запись Безсоновъ (№ 590), хотя у насъ ритмичность и повторенія стиха сохранились: или Артамоновъ заучилъ уже разлагавшійся стихъ, или плохо запомнилъ стихотворный ладъ и самъ уже разложилъ стихъ.

Наконецъ, Артамоновъ знаетъ стихъ *о плачѣ Іосифа прекраснаго*, встрѣтившійся только два раза у одной пѣвицы (№ 43, 44) и болѣе не попавшійся ему въ его матеріалахъ. Это, повидимому, обособившаяся лирическая часть стиха о прекрасномъ Іосифѣ: стихъ этотъ (чуть ли не книжнаго и происхожденія и весьма недавняго, см. № 37 и слѣд.) великъ по объему (стиховъ до 400) и не подъ силу былъ пѣвцамъ, которые и взяли изъ него наиболѣе сильную лирико-драматическую сцену, прибавивши начало изъ церковной пѣсни:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову къ рыданію.

Во всякомъ случаѣ тексты Безсонова и нашъ носятъ явно отрывочный характеръ.

Этимъ стихомъ, не считая стиха объ Александрѣ II, исчерпывается репертуаръ нашего пѣвца. У Безсоновскихъ пѣвцовъ встрѣ-

¹⁾ Ср. *Тихомировъ* Пам. Отр. Лит. II, 337 и слѣд.

чены были еще: Феодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, Житіе человѣческое, Дочь тысячника—по разу, Прасковья Пятница, Борисъ и Глѣбъ—по два раза. Все это стихи, въ общемъ не часто встрѣчающіеся ¹⁾).

Такимъ образомъ нашъ Артамоновъ въ общемъ поетъ тѣ стихи, которые пользуются популярностью и у другихъ пѣвцовъ, но не знаетъ стиховъ былиннаго пошиба, за исключеніемъ популярнаго Егорія; кромѣ того, не безынтересно, быть можетъ, и то, что онъ не знаетъ тѣхъ стиховъ, которые, будучи популярны у другихъ пѣвцовъ, стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ раскольничьимъ стихомъ ²⁾, поскольку этотъ послѣдній имѣетъ общаго съ остальнымъ; „каковы: Пречудная царице“ „Жена милосердая“ (она же у раскольниковъ—Аллилуева ³⁾), „Паревичъ Юасафъ“. Не знаетъ онъ и „Голубиной книги“ и „Плача Адама“.

Эти отрицательныя качества нашего пѣвца наводятъ, кажется, на нѣкоторыя соображенія или предположенія: въ его репертуарѣ не находимъ, за исключеніемъ Егорія, какъ стиха весьма популярнаго, старыхъ стиховъ, сложившихся въ лучшую пору былинной поэзіи, поэтому и отлившихся въ былинную форму, каковы Феодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, не находимъ стиховъ съ специфической до извѣстной степени окраской—раскольничьей, не находимъ, наконецъ, старыхъ по образованію стиховъ, какова „Голубиная книга“, съ ея космогонически-богомилскими реминисценціями, стихъ объ Адамѣ засвидѣтельствованный старыми апокрифами и по спискамъ XV—XVI в. (Исповѣданіе Еввы) и старой литературой (посланіе Василія Новгородскаго о раѣ) русской XIV вѣка. Наоборотъ, въ его репертуарѣ преобладаютъ стихи болѣе поздняго происхожденія, каковъ стихъ, лучший и обширнѣйшій у него, объ Алексѣѣ, стоящій въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, въ зависимости отъ Аноологіона, 1660 года ⁴⁾; таковъ же стихъ его объ Юсифѣ прекрасномъ, вышедшій

¹⁾ У Безсопова всего: Феодоръ Тиронъ 5 записей, Димитрій Солунск. 3 записи, Житіе человѣч. 4 записи, Дочь тысячника 1 запись, Прасковья Пятн. 13 записей, Борисъ и Глѣбъ 6 записей.

²⁾ Число раскольниковъ въ у. Рыльскомъ и Дмитріевскомъ въ общемъ незначительно, судя по статистическимъ, хотя и старымъ, свѣдѣніямъ (Труды Курскаго губернскаго статистич. комитета, вып. I, (1863), стр. 12, 13. Нѣсколько больше ихъ считается въ Дмитріевскомъ уѣздѣ.

³⁾ Тихонравовъ, „Сочин.“ I, 349.

⁴⁾ Тихонравовъ, „Сочиненія“ I, 350, Варенцовъ; „Духовн. стихи“, 8.

изъ лубочной тетрадки, также не старше XVII в. ¹⁾ Остальные стихи его репертуара, за исключеніемъ стиха о Лазарѣ, время происхожденія котораго неизвѣстно пока, короткіе и скорѣе лирическіе или полу-лирическіе, при томъ по формѣ довольно уже поздніе; въ нихъ, даже въ „Лазарѣ“, уже ясно сильное стремленіе къ рифмѣ—созвучію ²⁾. Всѣ эти черты могутъ получить, съ устанавливаемой нами точки зрѣнія на хронологію, на основаніи не только содержанія, но и формы стиховъ, истолкованіе въ смыслѣ поздняго по времени какъ репертуара, такъ и самого вида стиха у нашего Артамонова, т.-е. что онъ уже представляетъ намъ болѣе поздній репертуаръ, даже нежели нѣкоторые изъ Безсоновскихъ пѣвцовъ, которые, имѣя тотъ же въ общемъ репертуаръ, что и Артамоновъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ еще кое-что и изъ старшаго репертуара. Здѣсь можетъ имѣть значеніе и географическое распредѣленіе пѣвцовъ, если мы попробуемъ освѣтить его съ точки зрѣнія географическаго распредѣленія былинъ; на это мы имѣемъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое право въ виду связи между былиной и духовнымъ стихомъ въ ихъ измѣненіяхъ на почвѣ исторіи этого общаго типа памятниковъ народной словесности. Районъ былинъ, какъ извѣстно ³⁾, довольно ясно опредѣлился еще XVII—XVIII в. для европейской Россіи; самая распространенность былинъ постепенно понижается къ югу, у южно-великоруссовъ сводится почти къ нулю, а на самомъ югѣ, на границахъ съ малорусскимъ говоромъ, былинъ уже совсѣмъ нѣтъ. Если мы переведемъ это наблюденіе на почву характера памятниковъ, то должны будемъ сказать, что повѣствовательная стихотворная поэзія все слабѣетъ и слабѣетъ по направленію къ югу: она замѣняется все болѣе и болѣе или повѣствовательно-лирической или прямо-лирической: югъ богаче сѣвера лирическими и полулирическими пѣснями ⁴⁾. А старшій по происхожденію духовный

1) *Тихомировъ*, тамъ же.

2) Примѣры см. въ самыхъ текстахъ.

3) Подробности см. *Вс. Миллера*. Очерки, 65—96, особ. 91—92.

4) Здѣсь, можетъ-быть, имѣетъ вліяніе малороссійскій югъ съ его школьно-народной поэзіей виршъ (псалмовъ и кантовъ). Болѣе или менѣе повѣствовательная „дума“,—трудно сказать, почему не имѣла вліянія на южно-великорусскую пѣсню; м.-б. потому, что она связана тѣсно съ исторіей казачества, явленія, не имѣвшаго мѣста у южно-великоруссовъ? Ср. *В. Н. Перетичъ*. „Изъ исто-

стихъ, напр.—Голубиная книга, стихи о Теодорѣ, Димитріи Солунскомъ—преимущественно повѣствовательнаго характера: не даромъ они и по формѣ ближе стоятъ къ былинѣ, нежели къ лирической пѣснѣ. Иначе: нашъ Артамоновъ потому знаетъ больше позднихъ, при томъ лиро-эпическихъ стиховъ, что онъ самъ—южно-руссъ, учился у южно-руссовъ, въ той мѣстности, гдѣ не только нѣтъ (да, можетъ-быть, и не было) чисто повѣствовательной стихотворной поэзіи, а нѣтъ уже почти и полу-повѣствовательной. А это опять-таки совпадаетъ съ другимъ наблюденіемъ во всей русской народной пѣсенной поэзіи: въ ней лирика постепенно завоевываетъ все болѣе и болѣе мѣста въ ущербъ повѣствованію.

Въ такомъ смыслѣ нашъ Артамоновъ, насколько показываетъ его репертуаръ духовныхъ стиховъ, ихъ форма, можетъ быть сочтенъ представителемъ, съ одной стороны, южно-великорусской духовной поэзіи, а съ другой, поздняго состоянія и новѣйшихъ измѣненій въ характерѣ этой духовной поэзіи. А то, что было сказано объ отношеніяхъ его къ мірской поэзіи, показываетъ, что и въ немъ мы можемъ видѣть, хотя бы и въ начальной стадіи, паденіе самой поэзіи духовнаго стиха въ старинномъ смыслѣ профессиональнаго пѣвца этихъ стиховъ. Артамоновъ волей-неволей идетъ навстрѣчу современному вкусу слушателей: онъ не только уже тѣшитъ ихъ балагурнымъ Оомой съ Еремой, камаринскимъ, но находитъ возможнымъ считаться и съ современными событіями, болѣе или менѣе интересующими и громкими въ глазахъ слушателей: поэтому онъ поетъ уже и новую пѣсню о смерти Александра II. Откуда онъ взялъ ее, мнѣ узнать и опредѣлить не удалось. Пѣсня эта, однако, повидимому, уже пользуется нѣкоторой популярностью, кажется, входитъ, если уже не вошла, въ репертуаръ современныхъ пѣвцовъ-каликъ: эта же пѣсня, въ текстѣ, довольно близко подходящемъ къ моей записи, была недавно записана также со словъ слѣпца, пѣвшаго ее подъ

ри русской пѣсни“, ч. I (Спб. 1900), стр. 195, 201, 206, 207. Подобное же наблюденіе—о сравнительно меньшемъ распространеніи лирической пѣсни на сѣверѣ, нежели на югѣ—сообщаетъ и *Н. М. Лопатинъ* въ своемъ обзорѣ русскихъ лирическихъ пѣсень („Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсень“, М. 1889, ч. I, стр. 9).

звуки лиры въ области Донского войска ¹⁾. Та же пѣсня записана въ г. Харьковѣ отъ слѣпца Ивана Михайловича Петрика (изъ с. Валокъ, Харьков. губ. родомъ) въ апрѣлѣ 1899 г., также съ аккомпанементомъ лиры ²⁾ слышали эту пѣсню и въ той же Курской губерніи на ярмаркѣ ³⁾. Несомнѣнно одно, что мы имѣемъ передъ собой пѣсню искусственную по складу, хотя и не искусную, обязанную своимъ происхожденіемъ неизвѣстному слагателю, въ родѣ тѣхъ, которые поставляютъ обильный матеріалъ для современныхъ пѣсенниковъ: стремленіе къ рифмѣ, безъ чувства ритма, къ вычурности и дешевымъ трескучимъ эффектамъ, наборъ словъ, на лицо всѣ черты, которыя мы встрѣтимъ въ теперешнихъ пѣсняхъ по сборникамъ печатнымъ ⁴⁾. Тема пѣсни—Александръ II—помимо событія, излагаемаго въ нашей пѣснѣ, несомнѣнно произведшаго и производящаго само по себѣ сильное впечатлѣніе на народъ,—эта тема еще и раньше уже циркулируетъ въ позднихъ народно-ненародныхъ (если такъ можно выразиться) пѣсняхъ:

1) Записана гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой и издана Н. Кульманомъ въ „Русск. Стар.“ 1900, 17, 652—53; къ сожалѣнію, подробностей объ исполнителѣ и обстоятельствахъ записи издатель не даетъ.

2) Издана въ „Э. О.“ XLV, 137—139.

3) Именно Г. Кунцевичъ (см. „Русск. Ст.“, тамъ же, стр. 654, прим.); и здѣсь по поводу этой пѣсни, г. Кульманъ не сообщилъ никакихъ подробностей въ своей замѣткѣ. Весьма возможно, что г. Кунцевичъ слышалъ эту пѣсню и отъ того же Артымонова: пѣвцы-каляки, какъ извѣстно, очень охотно, на довольно далекия разстоянія, путешествуютъ по ярмаркамъ. Въ замѣткѣ г. Кульмана обращаютъ на себя вниманіе еще кое-какія свѣдѣнія, въ силу своей неясности возбуждающія любопытство: „Кто создалъ эту пѣсню, говоритъ онъ, неизвѣстно. *Одинъ* лирникъ заявилъ М. А. Голенищевой-Кутузовой, что когда онъ ослѣпъ, то его научилъ пѣть эту пѣсню такой же, какъ онъ, слѣпецъ; *другой* разсказалъ, что она вывезена одной старухой-паломницей изъ Иерусалима“ (стр. 653). Изъ этихъ словъ выходитъ, что гр. М. А. Голенищева-Кутузова слышала эту пѣсню отъ двухъ, или же (выражаясь общѣе) пѣсню эту знали двое: о *второмъ* исполнителѣ въ замѣткѣ ни слова, а жалъ: приведеніе второй записи, или хоть вариантовъ изъ нея, если таковые были, дали бы, можетъ быть, что нибудь для объясненія пѣсни, а прямое указаніе на второго пѣвца дало бы еще фактъ для сужденія о распространенности пѣсни. Мы имѣли бы (съ записью пѣсни, Кунцевича, если онъ записалъ ее) уже четыре записи, при томъ изъ двухъ различныхъ мѣстностей.

4) Напр. „тысяча пѣсенъ—Народный пѣсенникъ“ (изд. Сытина. М. 1894), „Народный пѣсенникъ“ (изд. его же, М. 1897).

имя и эпизоды про Александра второго, довольно часто попадаютъ въ пѣсняхъ, особенно военнаго, воинственнаго характера ¹⁾.

Присутствіе этого стиха, несомнѣнно еще болѣе искаженнаго въ устной передачѣ пѣвца, которому довольно чужда самая обстановка событія, который часто не понималъ словъ своего оригинала (горноты—гранаты, телеграмъ и т. п.)—присутствіе его въ репертуарѣ нашего пѣвца во всякомъ случаѣ не лишено значенія для заключеній о состояніи народной пѣсни въ настоящее время: онъ еще болѣе, нежели пѣсня про Оому и Ерему, подчеркиваетъ отмѣченное мною измѣненіе во вкусахъ народа и самого пѣвца; а форма этого стиха даетъ указаніе на успѣхи, которые дѣлаетъ риемованная поэзія въ массѣ.

Обращаюсь, наконецъ, къ характеристикѣ формы духовныхъ стиховъ въ современномъ ихъ видѣ; имѣя въ виду сдѣланныя мною выше сравнительныя наблюденія надъ былинной и духовнымъ стихомъ вообще, мы можемъ точнѣе и полнѣе характеризовать и наши стихи, судить по нимъ о томъ шагѣ, который сдѣлалъ духовный стихъ нашего времени сравнительно со стихомъ недавняго прошлаго, именно въ измѣненіи формы, а отчасти и въ содержаніи, поскольку это послѣднее зависитъ отъ первой. Если Артамоновъ, какъ я сказалъ раньше, твердо знаетъ текстъ своихъ стиховъ, то это значитъ только то, что онъ поетъ увѣренно, не колеблясь ставить то или другое выраженіе, тотъ или другой стихъ; но это, конечно, свидѣтельствуетъ только объ его памяти, а отнюдь не о сознательномъ отношеніи къ содержанію стиха; въ этомъ именно отношеніи у него замѣчается недочетъ; видна часто машинальная передача затверженнаго, слишкомъ подчасъ слабое вниманіе къ смыслу сказываемаго; болѣе, повидимому, его привлекаетъ музыкальная сторона самого стиха, главнымъ образомъ созвучіе—риема. Пристрастіе къ ней у него явно; не даромъ въ его репертуарѣ фигурируетъ риемованная пѣсня бѣ Александрѣ II. Если бессознательное повтореніе усвоеннаго памятью (такъ-молъ—въ пѣснѣ поется) не чуждо даже былиннымъ пѣвцамъ, что замѣчено было уже Гильфердингомъ ²⁾, то во всю

¹⁾ Напр., въ „Великорусскихъ пѣсняхъ“ проф. А. И. Соболевскаго, VI, № 98; въ первомъ изъ Сытинскихъ сборниковъ, стр. 80, 147, 149, во второмъ, № 98 и др.

²⁾ I, 158, 160, 215 примѣчаніе, 247.

комъ случаѣ въ ней явленіе это не частое, у насъ же, въ духовномъ стихѣ, въ частности у Артамонова, это явленіе не рѣдко; тутъ оказываетъ вліяніе съ одной стороны самый языкъ стиха, который, въ силу его происхожденія, не будетъ столь близкимъ къ живому, какъ въ былинѣ, а съ другой стороны тяготѣніе къ риомѣ; цѣлый рядъ славянизмовъ (разумѣется, большею частью въ искаженіи), составляющихъ принадлежность поздняго стиха, по его связи со славянскимъ церковнымъ и литературнымъ языкомъ его источника, передается пѣвцомъ, далеко не сознательно, полусознательно; чѣмъ сильнѣе пробивается риома, тѣмъ болѣе въ стихѣ путаницы, нескладицы. Въ угоду риомѣ Артамоновъ часто даже вставляетъ строки, по смыслу не связанныя съ предыдущими, часто взятая, можетъ-быть, изъ иного стиха. Старые же стихи, гдѣ и риома не такъ пробивается, гдѣ и славянизмы (говоря вообще—церковнаго тона) меньше, меньше и искаженій и путаницы—доказательство того, что существуетъ указанная мною связь между содержаниемъ и риомой. Продолжая наше наблюдение, мы можемъ и расширить его: стихъ по типу старшій—съ преобладаніемъ повѣствовательнаго элемента—меньше тяготѣетъ къ риомѣ, нежели стихъ лирической, поздній; содержаніе стиха повѣствовательнаго яснѣе въ сознаніи пѣвца, чѣмъ лирическаго: въ этомъ послѣднемъ настроеніе беретъ верхъ надъ содержаніемъ, почему и ближе въ сознаніи пѣвца къ представленію о пѣвучести, музыкальности стиха; т.-е. лирика въ его представленіи больше пѣніе, нежели повѣствованіе, почему вниманіе при лирической пѣснѣ больше приковано къ музыкальной сторонѣ стиха, т.-е. къ формѣ, въ данномъ случаѣ риомѣ, нежели къ его содержанію.

Такъ, на почвѣ исторіи нашей поэзіи, гдѣ эпосъ уступаетъ постепенно лирикѣ, и на почвѣ психологіи я объясняю себѣ сравнительную исправность „эпическихъ“ стиховъ нашего пѣвца передъ его „лирическими“ стихами. Если въ стихѣ объ Егоріи, пѣвецъ подъ вліяніемъ тяготѣнія къ риомѣ поставилъ непонятное „солилося“ въ стихахъ:

Ничаво Ягорію не вradiлося
Ягорьево тѣло солилося ¹⁾,

¹⁾ См. стихи 43—44, 52—53, 66—67.; это слово разъ произносилось:— „солилося“, другой разъ:— „солѣлося“, третій:— „солялося“.

если онъ употребляетъ форму: „возглаголуилъ“ (иначе: „возглаголуе“, „возглаголуи“), то случаи эти сравнительно будутъ не часты; риома же также пробивается преимущественно въ случаяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые мы могли отмѣтить даже въ былинѣ. Если же мы обратимъ вниманіе на поздній и при томъ лирической стихъ „Царю Христе“, то найдемъ вмѣсто правильнаго и понятнаго по смыслу „какъ бы намъ Христа поймать“ (Безсоновъ, № 372)— „испознать“, а послѣ стиха:

За сребрѣнники продаль Христа,

имѣющее мало отношенія къ рассказываемому, взятое, кажется, изъ иного стиха:

Онъ лишился своо царства,

и совершенно непонятное по связи:

Не имѣйте вы царей много,

Поимѣйте вы царя одного.

Въ стихѣ „Родъ еврейскій“ начало—заглавіе—передѣлано въ двустиише, безъ малѣйшей связи съ послѣдующимъ:

Родъ еврейскій сотворенный,

Отъ Христа было явленіе,

при чемъ еще послѣднія два слова считаются риомой. Въ томъ же стихѣ ради риомы вставляется стихъ:

(Пилать руди умываетъ)

Пилы въ руди задаваеъ, и даѣе:

Повелѣлъ (повидимому, Пилать), вѣнецъ отверзати,

(Страстей Богу задавати)—

и слово „отверзати“ и весь стихъ явились только для риомы съ послѣдующимъ.

Что указанные явленія не представляютъ индивидуальности нашего цѣвца, это видно изъ того, что то же самое мы отмѣчаемъ у другихъ цѣвцовъ, особенно намъ современныхъ: таковы записи, приведенныя въ „Живой Старинѣ“ (1900, III.): стихи стараго типа—безъ риомы и сравнительно исправны. (Алексѣй, Божій человекъ, изъ Смоленской губ., Юхновск. у., и Московск. губ., Серпуховск. у.), Голубиная книга (Серпух. у.), лирическіе же стихи „Подоконные“ (Серп. у.) уже съ риомой и путаницей ¹⁾.

¹⁾ То же отмѣтилъ и П. И. Житецкій (у. с., стр. 3—9) по отношенію къ думамъ: въ угоду риомѣ являются невозможныя формы словъ.

Наконецъ, что касается „книжечекъ“, по которымъ разучиваль частью свои стихи Артамоновъ, то ничего болѣе опредѣленнаго, нежели приведенное мною выше, отъ него узнать не удалось. Содержаніе же стиховъ, за исключеніемъ „Двѣнадцати пятницъ“, не имѣющихъ у нашего пѣвца даже стихотворной формы и близко подходящихъ по тексту къ позднимъ, весьма популярнымъ тетрадамъ, не даетъ прямыхъ указаній ¹⁾).

Сводя въ одно все до сихъ поръ сказанное, мы можемъ представить себѣ положеніе духовнаго стиха въ настоящее время для данной мѣстности Курской губ. въ такомъ видѣ: стихъ стараго типа, развивавшійся на общихъ съ былинной основахъ, еще сохраняется, но постепенно уступаетъ стиху лирическому новой формации, болѣе книжному; вліяніе книжной поэзіи сказывается въ видѣ развитія вкуса къ рюмѣ и въ старшемъ стихѣ, какъ и въ былинѣ, но въ болѣе сильной степени; еще сильнѣе вліяніе рюмы на стихѣ лирическомъ; это вліяніе ведетъ къ искаженію содержанія стиха лирическаго въ большей степени, чѣмъ стиха повѣствовательнаго. Репертуаръ калики расширяется привлеченіемъ въ него мірской пѣсни, чѣмъ все болѣе нарушается традиціонной типъ профессиональнаго носителя духовной народной поэзіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Духовные стихи, записанные 28/VII, 30/VII 1900 г. въ селѣ Капустинѣ, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи.

І. Царю Христе.

(Страсти).

- Царю Христе, Боже милостивый,
 Вы — Богъ — творецъ незлобивый.
 Четвертаго съ вечера царемъ бывши,
 Совѣтъ жидамъ сотворивши,
 5. Стали жиды гадать:
 Какъ бы намъ Христа непознать?
 Тогда Юда къ нимъ претекши,
 Вонъ, пришедши къ нимъ,
 И речётъ имъ

¹⁾ Ср. Э. О. ХІІ, 139.

10. Совѣтъ жидамъ предлагавши:
 Что мнѣ дастѣ, продамъ Христа?
 Жиды, сребреники измовлявши
 Змовлявши сребреники, Юды отдавали.
 Тогда Юда разгорѣвши,
15. Сердцѹ своему распалѣвши
 За сребрѣнники продаль Христа:
 Онъ лишился своо царства.
 Не имѣйте вы царей много,
 Поимѣйте вы царя однѣго.
20. Христось хлѣба предломѣвши
 Вченикамъ далъ
 Обмочѣвши въ соль Юды далъ.
 Молвилъ Христось ов(у)ченикамъ,
 Олягну наперснику: ктожь мое имя продаль жидамъ?
25. Юда мое имя продаль жидамъ
 За тридцать три сребреника.
 Вы ня сните, вѣрно, вы чуйте,
 А мои страсти читайте,
 Прискорбной души моей къ смерти
30. Пришло время, придетъ часъ
 Станьте вы, вѣрны, гряду отъ васъ.

II. Родъ еврейскій.

- Родъ еврейскій сотворенный.
 Отъ Христа было явленіе:
 Збирались Христа убить,
 Спасителя умертвить,
5. Юды за сребреники отдали,
 Одного Христа взяли
 Привяли Христа ко Пилату,
 Чтобъ на крестъ быть распяту.
 Пилатъ руци вымуваетъ,
10. Пилы въ руци задаваетъ.
 Пѣстомъ Христа распинали,
 Повелѣлъ вѣнцы отверзати
 Страстей Богу задавати.
 Матерь яго поесомъ узрела
15. При частнымъ крестомъ явилась:
 «Сыне мой прелюбезный,
 Сердцѹ моему болѣзневѣйшій».
 Плачемъ же мы вси христіани:
 Терпѣль Христось за насъ ради.
20. Слава страстемъ Твоимъ, Господи!

III. Егорій.

- А у шастомъ гаду было, въ первой тысячи,
 При томъ царю, при Хѣдору императору,
 При той царицы благоувѣрныи,
 При святой Сохѣи, свѣтъ премудрыи.
5. Спородила Сохѣя три дочери прилюбезныи
 Четвертаго сына святаго Егоргія, свѣтъ-прехвабраго:
 По локоть его руци въ красномъ золотѣ,
 По колѣна младенца въ чистомъ сѣребрѣ,
 Голова въ младенца въ чистомъ земчюгу,
10. Волоса въ младенца, что ковыль трава.
 Изъ той земли изъ невѣрныи
 Выступалъ царѣище врагъ Демьянище
 Вонъ началъ Чернивъ-городъ пѣннелъ—рубилъ
 Поломъ положилъ, забиралъ ѱ полонъ
15. Три дѣвицы, родны сестрицы,
 Засылалъ за грады за рубежныи
 Приставлялъ ко стаду къ звяриному и къ змяинному,
 Уносилъ младенца въ свою землю невѣрнаю.
 Вонъ началъ младенца распрашивать,
20. «Котораго ты роду, какого чину:
 Или царскаго, или боярскаго
 Или тово роду книжавенскаго?»
 Молодой молодецъ возглаголуилъ:
 «Я ни царскаго роду, ни боярскаго, ни книжавенскаго,
25. Я того роду божаствескаго,
 Самаго Христа, царя небеснаго,
 Самой матеръ—Божіи
 Пресвятой Троицы нераздѣльной».
30. Царѣище разговаривалъ: «ты повѣровай въ вѣру
 И ко мнѣ къ царю, къ моимъ врагамъ - дьяволамъ».
 Молодой молодецъ возглаголуилъ:
 «Не повѣрую въ вѣру и къ тобѣ царю
 И къ твоимъ врагамъ - дьяволамъ:
 Я повѣрую вѣру самому Христу, царю нябесному,
35. Самой матери Божіей Богородицы,
 Пресвятой Троицы нераздѣльныи».
 Злодѣй царѣище врагъ-Демьянище
 Повелѣлъ Егоргія разнѣ мучити
 Разнѣ-мучами разнѣличными:
40. Повелѣлъ Егоргія въ топоры рубать:
 Въ топорахъ лѣзья приламалися,
 Въ мастяровъ руцѣ опускалися,
 Яенныя очи повращалися;
 Ничаво Егоргію не вридилося

45. Ягорьево тѣло солилося.
Ягорій святой Христовъ мученикъ.
Царіище врагъ-Демьянище
Повелѣлъ Ягоргія въ пилы пиловать:
Въ пилахъ зубья повтиралися,
50. Въ мастяровъ руцѣ опушались
Ясныя очи повращались:
Ничаво Ягоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солѣлося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
55. Повелѣлъ Егоргія по гвоздяхъ водить:
Игвозди къ доскамъ привчяналися;
Ничаво Егоргію не вредилося,
Егоргіево тѣло себлялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ
60. Повелѣлъ Егоргія на смолѣ варить,
На той смолѣ на кипучи,
(А смола кипить яко громъ гремитъ)
Егоргій поверхъ смолы плавааетъ;
Онъ стихи поетъ херувимскіи,
65. Онъ гласомъ гласитъ по евангельски, по архангельски.
Ничаво Егоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
Повелѣлъ на Егоргія вскопать погребы:
70. Вскопали погребъ сорока сажень.
Поперечникъ погребя двадцати сажень;
Ивсадили Ягоргія во глубокъ погрябъ,
Становили древо дубовое,
Прикрывали досками жалѣзными,
75. Прибивали гвоздями полужеными,
Присыпали песками руто-желтыми.
Самъ собою закапывалъ, приговаривалъ:
Что ня быть Ягоргію на святой Руси,
Ня видать Ягоргію свѣту бѣлаго,
80. Не слыхатъ Ягоргію звону Божьяго,
Звону Божьяго, колокольнаго.
Просидѣлъ Ягоргій ровно тридцать лѣтъ
Еще три года
Явленіе Ягоргія проявилося.
85. Изъ-за города изъ-за Кіева
Веходила туча сильно-грозная,
Съ подь той подь тучи сильно-грозныи
Подымались вѣтры злые-буйныи,
Разносило пѣски руто-желтыи,
90. Изорвало гвозди полужоныи,

- Жалѣзны дащечки поразметывало,
Дубовыя дрѣва сподвѣлялися.
Выходилъ Ягоргій на святую Русь,
Увидаль Ягоргій весь бѣлый свѣтъ,
95. Солнце красное, ясное.
Услыхаль Ягоргій звона Божьяго
Звона Божьяго, колокольнаго.
Какъ пошелъ Ягорій въ Чернивъ городъ;
Чернивъ городъ разорѣнь стоитъ:
100. Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Одна стоитъ церковь соборная, богомольная.
И у той церкви соборной, у богомольныхъ
Стоитъ яго матушка родимая—
Святая Сохѳея свѣтъ-мудрая,
105. Молится Богу о своемъ чаду объ Ягоргію.
Не дошѣдчи Ягорій вкореняется, вклоняется:
«Матушка моя родимая,
Святая Сохѳіа свѣтъ-премудрая!
Отдай ты мнѣ свое благословленіе:
110. Пойду—вярну дружбу прежнюю
Побью царя Демьянищу».
— Ты пойдѣ, чадо, въ чисто поле,
Возьми сябѣ коня богатырскаго,
За двѣнадцатю чапми жалѣзными.—
115. Ягоргій святой Христовъ мученикъ,
По сырой зямли походяючи,
Богатырскаго коня посядаючи.
Какъ слышалъ царь крагъ-Демьянище,
Становилъ заставы великіи:
120. Не пройтѣтъ Ягоргію, ни проѣхати.
Наязжалъ Ягорій на двѣ горы, на Хфингорскыи:
Вотъ еттамъ горамъ возглаголуилъ:
«Вы еси, горы Вохфингорскыи!
Разойдитесь, распространитесь:
125. Пovyстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на дремучій лѣса:
Не пройтѣтъ Ягоргію, ни проѣхати.
Вотъ еттамъ лѣсамъ возглаголуилъ:
130. «Вы еси лѣса дрямучіи,
Распатнитесь, разступитесь:
Пovyстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на лѣтыхъ звярѣвѣхъ
135. А постытъ звѣрѣвѣхъ три пастыра
Три дѣвицы, родны сестрицы

- Вотъ еттымъ дѣвицамъ возглаголуе:
 «Вы еси три дѣвицы, родны сестрицы,
 Пойдите вы на Ердань-рѣку,
 140. Вымывайте вы лица свое бѣлыи»:
 Набралися духу бесурманскаго и паху нявѣрнаго»:
 Вотъ ета застава миновалася
 Вотъ етамъ звярьямъ возглаголуе:
 «Вы звѣрѣ лютые, разоидитесь,
 145. Разоидитесь по три, по два, по одному
 По тямнымъ лясамъ, по глухимъ степямъ,
 Выхождайте вы въ поле по увремену,
 Пейте вы, ѣшьте повелѣное и благословенное,
 Что я вамъ святой Ягорій и благословю».
150. Вотъ етта застава миновалася.
 Наязжалъ Ягоргій на лѣту змяю
 А въ лютыи змай з рѣта пѣломя:
 Не пройтить Ягорью, ни проѣхати
 Вотъ етой змай возглаголуи:
 155. «Ты есь змѣя, ты есь лютая!
 Разсыпся, змѣя, на мелки часті
 Вотъ ты будешь сыта усѣ безвѣстное».
 Вотъ ета застава миновалася.
 Наязжалъ Егоргій на полаты яго,
 160. Обрушилъ стѣну бѣлу-каменну.
 Заслышалъ цареище врагъ-Демьянище,
 Бяжить и къ Ягоргію по звяриному,
 Синомъ сипить по змяиному,
 Не дошѣдчи Ягорья, вкореняется, вклонается:
165. «Ягоргій святой Христовъ мученикъ,
 Не спомни жъ ты злое-прежнее,
 Не здѣлай мнѣ смерти по татарскому,
 Здѣлай мнѣ смерти христіанское.
 Вотъ дай ты мнѣ строку
 170. Хоть на три гѣда, хоть на три часа».
 Ягоргій святой возглаголуилъ:
 «Ня дамъ тябѣ строку ни на полчаса»,—
 Бралъ цареищу за чарныѣ волоса,
 Выводилъ Демьянищу во, чисто поле,
175. Накладалъ стрялу у груди яго,
 Отбилъ яму грудь, сердце и съ печенью,
 Пролилъ его кровь вею горячую бесурманскую,
 Очистилъ землѣ свято-русскую,
 Твядрилъ вѣру крстіанскую,
180. Самому Кресту, царю небесному,
 Самой Матери Божей-Богородицы,
 Пресвятой Тройцы нераздѣльной.

- Самъ поѣхалъ во Кіевъ градъ.
 Во городъ во в Кіевѣ
 185. Святой Ягоргій переставился,
 Славенъ намъ, славенъ прославился.
 Великое имени Господне, аминь.

VI. Алексѣй, Божій человекъ.

- Въ славномъ городѣ ва Врымѣ
 Жилъ себѣ славенъ Алѣксѣенъ князь
 Со своею княгиню Евланидаю,
 Не имѣли себѣ отъ роду младенца,
 5. До Божей церкви дождали,
 Литургію-сбѣдню нанимали,
 Молилися Богу со трудами,
 Со горячими со своими со слязами:
 «Свѣтъ Пресвятая Мать Богородица!
 10. Ты заври на наше ¹⁾ моленіе
 На труднѣе наше богомоленіе,
 На слезнѣе светое прошеніе:
 Создай намъ, Господь Богъ, чада единова
 При младости лѣтъ на утѣшеніе,
 15. При старости лѣтъ на привозрѣнье,
 При послѣднемъ концу на споменъ души».
 По Божьему было повелѣнію,
 По ихъ труднѣму богомсленью,
 По ихъ святомъ слезномъ прошенію
 20. Забраменѣла княгениа отъ Духа Святаго ²⁾,
 Забраменѣвши княгениа сподобила,
 Сподобѣвши княгениа сподобила.
 Алхимѣенъ князь радовался,
 По Врымѣ граду походилася
 25. Патрехарховъ, священниковъ въ домъ зазываетъ,
 И княгини молитву сотворяетъ,
 Своему чаду имя нарекаетъ:
 Нарекали яму имя насветое,
 Что святое яму имя звать Алексѣемъ
 30. Свята Божаво человекъ.
 Будетъ Ляксѣй на возвращенья,
 Будетъ Ляксѣй въ семь лѣтъ отъ роду,
 Отдавалъ яго батюшка до школы,
 Государыня мать до святой науки.
 35. Скоро Алексѣй грамотъ завчился,

1) Сначала сказалъ: „мое“.

2) Отчетливо слышно „аго“.

- Скоро во писанья заучился,
Скоро вонъ яромъ сталъ писать.
Не столько Алексѣя вчителѣ вчили,
Побольше Алексѣй вчителевъ знаетъ:
40. Онъ старыя книги на память читаетъ
Новыя книги самъ составляетъ.
Вышло Лексѣю лѣтъ восемнадцать,
Бралъ яго батюшка изъ школе,
Государыня мать изъ святой науки;
45. Пожелалъ яво князь батюшка жанити,
Государыня мать яво обручитьъ,
Молодую княгиню къ нему приручитьъ.
Алексѣй жанит(ь)ся не желаетъ,
Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
50. «Не создай мене, Господи Богъ, на согрѣшенъе
Создай менѣ, Господи Богъ, души спасенъе,
«Не жани мене, батюшка, жаною,
А жани ризой чернѣю».
Отецъ Алексѣя не послушалъ:
55. Приручали къ нему княгиню молодую,
Повели Лексѣя въ Божу церковь,
Становили Алексѣя на поарти,
Среди церкви на бѣлой бумаги,
Золотыя вянцы на нихъ вкладали,
60. Золотыми пярстнями обручались,
Перепойною чашею спивались,
Сахѣрными устами ликовались,
Златыми вянцами повѣнчались;
Налевали Лексѣю единую чашу,
Алексѣй единой чаши не спе(sic)ваеть
65. Самъ себѣ думаетъ-гадаетъ,
У Господа милости упрошаетъ:
«Ты свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты возри, возри на моленъе,
На мое труднѣе богомоленъе,
70. На мое свято-слезное прошенъе:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе
Создай менѣ, Господь Богъ, души спасенъе».
Повели Алексѣя съ Божей церковь ¹⁾
Въ яво бѣлы каменны полаты,
75. Сажали Алексѣя за трапѣзу,
За яго столами, за скатертями берчатными.
Становили Лексѣю хлѣба-соли,
Наливали Лексѣю единую чашу.

¹⁾ sic!; есть и далѣе то же.

- Алексѣй единой чаши не спиваетъ
 80. Самъ о себѣ думаетъ гадаеть:
 Отъ отца, своей матери радости слушаетъ ¹⁾:
 «Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Во второмъ часу было ночи,
 85. Соѣзжались къ Алексѣю князьё-боярѣ,
 Всѣ православные крестіане,
 Даряли Алексѣя златомъ-серебромъ;
 Алексѣй злато серебро принимаетъ,
 По церквахъ по Божихъ разсылаеть,
 90. По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
 По нищихъ по вбогихъ раздаряеть,
 А самъ о себѣ думаетъ-гадаеть:
 «Не создай менѣ, Господь Богъ, на согрѣшенъе,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 95. Въ шастомъ часу было ночи
 Повели Лексѣя до покою
 До его до бѣлой каменной ложи.
 Алексѣй на лежницу не ложился,
 Горючами слезами облился:
 100. «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Ты возри, возри на вмоленъе,
 На мое трудное богомоленъе,
 На мое слезное святое прошеніе:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе,
 105. Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Речётъ Алексѣй обручной княгини:
 «Княгиня ты моя обрученная,
 Княгиня ты моя возлюбленная!
 Пойдемъ мы съ тобой въ страдъ Божій,
 110. Помолимся Богу за отца-матерю,
 За отца-матерю зарбдную,
 За тебе княгиню молодую».
 Княгиня тотчасъ ему исмолчала,
 Ни твѣту-привѣту не сказала.
 115. Скидалъ Алексѣй съ себе дорогую адежду,
 Надѣвалъ Алексѣй чѣрную рясу,
 Скидалъ Алексѣй шолковый поесь,
 Съ правой руци золотъ перстень,
 Отдаеть Алексѣй обручной княгини:
 120. «Вотъ тебѣ, княгиня, шолковый поесь,
 Съ правой руци золотъ перстень;
 Молися ты Господу, трудися

1) Стихъ не на мѣсть?

- За память Алексѣя Божья человѣка» ¹⁾.
 Самъ погрель Алексѣй въ страдѣ Божей,
 125. Погрель Алексѣй въ страдѣ Божій, не сказала,
 Не сказала Алексѣй отцу-матери,
 Не признался Алексѣй обручной княгини.
 И доходилъ Алексѣй до синяго моря,
 Становилась на морѣ тихая погода,
 130. Садился Алексѣй на корабель,
 Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ святой
 Къ городу славному къ Русалиму.
 Доходилъ Алексѣй въ Божій церковъ,
 Становился Лексѣй на попарті,
 135. По правую сторону за двери.
 Молится Богу со трудами
 И съ горючьми своими слязамъ:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Ты зазри на мое моленье,
 140. На мое трудное богомоленье
 И на слезно-святое прошенье:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Речѣтъ Алексѣю Мать-Богородица:
 145. — Достойно Алексѣю въ церкви быти,
 Достойнъ ты, Ляксѣй, обѣдню служити,
 Пришелъ рабъ Божій Богу молиться
 За младости лѣтъ Лексѣй потрудиться;
 Достойнъ Алексѣй въ церкви стояти,
 150. Достойнъ Алексѣй книгу читати.
 Игряди жъ ты, Алексѣй, въ свою сторону,
 Въ свой славенъ въ Римъ городъ
 Къ отцу къ своему, князю къ Алхимѣну,
 Къ своей матушки Евланиды
 155. И зазри жъ ты, Алексѣй, свою обручну княгиню;
 Таперь тебе вотець-матушка не вознаеть,
 Таперь тебе не вознаеть обручна княгиня.—
 Речѣтъ Алексѣй Мать-Богородицы:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 160. Какъ же мнѣ въ свою сторону поитить
 И въ свой славенъ Римъ городъ,
 И къ отцу князю Алхимѣну
 И къ своей матушки Евланиды?
 И какъ же мнѣ зазреть обручную княгиню?
 165. Таперь мене отецъ-матушка вознають,
 Таперь мене сознаеть обручная княгиня».

1) Два стиха забыты; позднѣе добавлено пѣвцомъ и указано мѣсто ихъ.

- Не хотѣлось Алексѣю зъ Русалима итить:
 За слезами евангелья не возвидить,
 За рыданьемъ слово не можетъ промолвить (sic!)
170. Погрѣлъ Алексѣй зъ града Русалима,
 Доходилъ Алексѣй до синяго моря.
 Становилася на морѣ тихая погода,
 Садился Алексѣй на каравель,
 Съ радостью Богу помолился,
175. Горючыми слезами облился:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Зазрижь ты, зазри на мое моленье,
 На труднѣе мое богомоленье,
 На слезное святое прошенье;
180. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ Святой
 Въ свою сторону къ славному граду ко Врѣму.
 Доходилъ Алексѣй въ славенъ Рымъ градъ
185. Къ отцу своему князю Алхимѣну,
 Къ своей матушки Евланиды,
 Зазрѣлъ Алексѣй обручну княгиню:
 Ни тецъ его матушка не вознали,
 Ни сознала его обручная княгиня.
190. И погрѣлъ Алексѣй къ Божей церкви,
 Становился Алексѣй съ нищей братію,
 Молится Богу и съ трудами
 Съ горючими своими со слезами:
 «Свѣтъ-пресвятая Мать Богородица,
195. Зазри ты, зазри на мое моленье,
 На мое труднѣе богомоленье,
 На святое слезное прошенье:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 А создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
200. Миръ съ храма выступаетъ,
 По нищихъ милостѣну раздаряетъ,
 Прасильъ Алексѣй міра милостану,
 Алексѣя ть златомъ-серебромъ надѣляютъ.
 Алексѣй злато-серебро прѣмаетъ,
205. По нищихъ, по вбогихъ раздаряетъ,
 По церквахъ по Божиимъ разсылаетъ,
 По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
 Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
 «Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
210. Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Грядѣтъ съ Божей церкви Алхимѣнъ князь,
 По нищихъ милостѣну раздаряетъ.

- Доходилъ Алхимьѣнъ князь до нищаго странника;
 Нищій странникъ князю вклонился,
 215. Покорнымъ словомъ вкорился
 И речётъ нищій странникъ князю Алхимьѣну:
 «Алхимьѣнъ, князь милостивый,
 Государь ты нашъ батюшка милосердый,
 Создай ты мнѣ страннику милостыню
 220. За память свою чада Алексѣя,
 Свята Божьяво челоуѣка».
 Стоючи князь прослезился,
 Горючьми слезами облился:
 — Что ты, странникъ, не радостно мнѣ возвѣщаешь
 225. Про моево чада про Алексѣя?
 Самъ я въ свѣтъ не знаю,
 Гдѣ мой чада проживаетъ?
 Которыи нужды принимаетъ?
 Почему жъ ты мово чада Алексѣя знаешь,
 230. По имени называешь?—
 «Алхимьѣнъ, князь милостивый,
 Государь ты нашъ батюшка милосердый,
 Какъ же мнѣ твою чада Алексѣя не знати,
 По имени не называти?
 235. Въ ядиной мы школи съ нимъ обучалися,
 Одною рукописанья съ нимъ занималися,
 Однимъ пяркомъ съ нимъ писали,
 Ядиною книгу съ нимъ мы читали,
 Новыя книги мы съ нимъ составляли,
 240. Съ единого блюдичка кушали,
 Съ единой чаши спивали,
 На единой ложницы спочивали:
 Потому я твою чаду знаю,
 Алексѣя по имени называю».
 245. Стоючи князь прослезился,
 Горючьми слезами облился:
 — Нищій ты, нищій, странникъ Божій,
 Чѣмъ мнѣ, странникъ, тебе подарити,
 Хлѣбомъ и солью покормить
 250. Ащѣ златомъ-серебромъ наградить?—
 «Алхимьѣнъ князь милостивый,
 Государь нашъ батюшка милосердый,
 Не желаю твоей хлебе-соли,
 Не желаю злата-серебра.
 255. Построй ты мнѣ, страннику ўбогому келью,
 Подальше ¹⁾ отъ своихъ куховарень

¹⁾ Не наоборотъ ли? Сбился?

- И поближе къ своимъ каменнымъ палатамъ
Частымъ переходамъ».
- Стоючи князь прослезился,
260. Горючими слезами облился:
— Нищій ты, нищій, странникъ Божій.
Есть у мене келья готовая
Подальше отъ моихъ каменныхъ полатовъ,
Частыхъ переходовъ,
265. Поближе къ моимъ куховарамъ.—
Куховары посуду спомували,
Изъ помоны въ келью изливали.
Но на это Ляксѣй не гнявился,
Съ радостью Богу помолился,
270. Горючими слезами облился:
«Свѣтъ пресвятая Богородица,
Ты зари жь ты на мое моленье,
На трудѣе богомоленье,
На святое слезное прошенье:
275. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Сздай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Погрѣлъ Алексѣй въ святу келью
И молился вонъ Господу, трудился,
Трудился вонъ ровно тридцать лѣтъ,
280. Ровно тридцать лѣтъ и три гола,
Скушалъ Алексѣй скромную нищу,
Скромную нищу въ надѣлау просвирочку,
Бажную пятинку сповѣдался,
Бажной суботы приобщался.
285. Какъ слышалъ Алексѣй животу сконченье,
Какъ прозналъ Алексѣй свое преставленье,
Писалъ Алексѣй рукописанье,
Писавши преставленье писалъ похождение ¹⁾,
Писавши похождение переставился.
290. Въ славномъ городѣ во Рымѣ
Святымъ Духомъ ладаномъ запахло,
Отъ Свята-Духа звоны зазвонились,
Отъ Свята Духа церквѣ растворялись,
Отъ Свята Духа книги зачитались,
295. Отъ Свята Духа свѣчи затеплялись.
Слуги до князя доступали,
Алхимьѣну князю возвѣщали:
«Алхимьѣнъ князь милостивый,
Государь нашъ батюшка милосердый,
300. Вотъ въ нашемъ увѣ городѣ славномъ въ Рымѣ

¹⁾ По ошибкѣ сперва сказала „рукописаніе“.

- Святымъ Духомъ ладаномъ запахло,
 Отъ Свята-Духа звона зазвонилися,
 Отъ Свята-Духа церква растворялся,
 Отъ Свята-Духа книги зачиталися,
 305. Отъ Свята-Духа свѣчи затеплялися.
 Вотъ у нашимъ у градъ святой народился,
 А нѣтъ—въ нашемъ у градъ святой переставился».
 — Что въ нашемъ градъ проявилося: какіе чудеса?—
 Подымался Алхимьѣнъ князь съ священнымъ соборомъ:
 310. — И не тотъ ли это странникъ, который у меня въ кельи?
 И погрелъ Алхимьѣнъ князь къ святой кельи:
 Отъ Свята Дух' кельня растворялася,
 Отъ Свята-Духа книга зачиталася,
 Отъ Свята-Духа свѣча затеплялася,
 315. Ляжить рукописанье на святыхъ мощахъ.
 Хотѣлъ патріархъ рукописанье взять,
 И хотѣлъ прочитатъ:
 Не вдалось рукописанье читать патріарху,
 А вдалось рукописанье князю Алхимьѣну.
 320. Речётъ Алхимьѣнъ князь святымъ мощамъ:
 — Мощи вы, мощи святыи,
 Святыи вы мощи переставленныи,
 Явите мнѣ свое похождение.—
 Началъ Алхимьѣнъ князь рукописанье читать,
 325. Явилъ чюдеса всяму міру,
 Дочелся Алхимьѣнъ князь до своо чады,
 На себѣ волоса порываетъ,
 На сыру мать-зямлю бросаетъ.
 Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
 330. Гробницу руками обьмаетъ,
 Горючьми слезами обливаетъ:
 — Гдѣ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 Къ чаму ты мнѣ, чадо, не сказался?
 Построилъ бы я тебѣ келью не такую,
 335. Построилъ бы я келью золотую;
 Подальше отъ своихъ куховаровъ,
 Поближе къ своимъ каменнымъ полатамъ,
 Къ частымъ переходамъ!—
 Заслыхала княгиня Евланида,
 340. Грядётъ къ святымъ мощамъ слезно плачетъ,
 Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
 Гробницу руками обьмаетъ,
 Горючьми слезами обливаетъ:
 «Гдѣ жъ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 345. Чаму жъ ты мнѣ чадо, не сказался?
 Имѣла бъ я тебе взять въ домъ свой,

- Кормила бѣ я, поила своимъ кочетомъ,
 Носилъ бы въ насъ ризы не простыя,
 Носилъ бы ты въ насъ ризы золотыя,
 350. Могла бѣ я сама сноститься и тебе съ собой,
 Сностились бы съ тобой, чадо, умѣсти!»
 Какъ слышала его обручная книгиня,
 Грядеть къ святымъ мощамъ, слезно плачетъ,
 Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
 355. Гробницу руками обьмаетъ,
 Горючьми слезами обливаетъ:
 «Гдѣ жъ ты, другъ мой, князь, долго жилъ-трудился?
 Чаму жъ ты, другъ мой, князь, не сказался?
 Мѣла бѣ я къ тебѣ въ кельи приждати,
 360. Чистую адежду привзнести,
 И молились бы съ тобою Господу, трудились двое,
 Ни тецъ бы насъ матушка не вознала!»
 Несли святыя моши въ погребенье.
 До святыхъ мощей князя мѣръ не допущаетъ;
 365. А князь златомъ-серебромъ мѣръ разыщаетъ,
 Не глянулъ мѣръ на злато-серебро,
 А глянулъ мѣръ до святыхъ мощей.
 Атъ святыхъ мощей было исномощенье:
 Нищимъ давалъ Господь Богъ прозрѣнье,
 370. Безногимъ давалъ Господь Богъ ногамъ похождение,
 Безрукимъ давалъ Господь Богъ рукамъ влаждение,
 Глухимъ давалъ Господь Богъ прослыщенье,
 Нѣмымъ давалъ Господь Богъ языку утверженье
 Скарбнѣимъ—болѣзнымъ исцѣленье.
 375. Отъ святыхъ мощей мѣру на многое-лѣтѣ,
 Отъ святаго Алексѣя, Божіяго чловѣка.
 Святымъ мощамъ славу поемъ,
 Во вѣкъ святымъ мощамъ слава не минуется,
 Во вѣкъ святымъ мощамъ слава прославляется
 380. И во вѣки вѣковъ, аминь.

У. Два Лазаря.

- Жилъ былъ славень чловѣкъ богатой,
 Вонъ шилъ-ѣлъ сладко, ходилъ хорошо,
 Дорогія одежды небогачъ надѣвалъ,
 Про милость про Божью ничѣво не давалъ.
 5. Нищій былъ хворы, лежалъ во гнобѣ,
 Передъ богачомъ, передъ воротми яво.
 Вышелъ богатый самъ за ворота,
 За нимъ вышла челядь—гордая раба.
 Доходить богатый проти Лазаря,
 10. Закричить Лазарь громкимъ голосомъ:

- «Братецъ мой, братецъ, сильной-богатой!
Создай мнѣ братецъ хлѣба и соли,
Про милость про бѣжью напей-накорми;
Не я тебѣ заплачу: Господь, царь небесный.
15. Гдѣ жъ твоей души лучи надо мной»
Грозное словечко богачъ отказалъ:
—Ляжишь ты, Лазарь, у гнаю,
А смердуетъ отъ тебе надо мной, какъ лютой песь.
Ты не называйся братомъ моимъ.
20. Есть у меня братья такой, что я самъ.
У мене много золота серебрѣ,
Сильного ивиѣня богатства тѣма.
Вотъ я не вбоюсь ничѣмъ ничавѣ:
Отъ Господа Бога златомъ откуплюсь,
25. Отъ злого чловѣка судомъ отойдусь.—
Плюнулъ на Лазаря, самъ прочь пошелъ,
Велѣлъ за собой ворота замкнуть.
Не было въ богатого ни Божей души,
Не кому до Лазаря взмиловаться,
30. Не кому Лазарю хлѣба-соли дать;
Было въ богатого два лютые псы:
Оны по подстоличью хаживали,
Мелки крошечки собиравали,
Ко вбогому къ Лазарю принашивали;
35. Вотъ тѣмъ его душу въ тѣлѣ пропитывали,
Гноющія раны зализывали,
Страмное тѣло заживливали.
Помолится святой Лазарь Господу;
«Господи Боже мой, Спась милосливый,
40. Выслушай, Господи, молитву мою:
Примай мою душу до хвалы къ себѣ,
Сошли по мою душу грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ, страшныхъ, не тихихъ, не милосливыхъ.
И вжо моя дѣша насквернилася,
45. И тѣло наболѣлося,
Голодомъ-холодомъ настрадалося,
Скорбности-болѣзности намучилося,
Богачомъ въ гною належалося,
Страмного сквернословія наслушалось».
50. Самъ Господь выслушалъ молитву яво,
Сослалъ Царь небесный святыхъ ангеловъ,
Святыхъ, частныхъ, милосливыхъ, тихихъ, смирныхъ,
По Лазареву по душу яво ¹⁾;
Вынули душу изъ Лазаря,

1) Обмолвился „мою“, но поправился.

55. Огдѣли душу къ Богу въ рай,
 Къ святому къ Авраамію на явленіе.
 Мало времячко тотъ часъ изгода,
 Случилбсь богатому изъ путя ити,
 Не дошелъ богатой до свою двора,
60. Не вызрилъ богатой ни жаны, ни дѣтей,
 Не вызрилъ богатый ни Бога, ни людей,
 Не вызрилъ богатый ни злата-серебра,
 Сильного имѣнія и богатства тѣма зъ своего двора;
 Вышла на богатаго сильна хвороба,
65. Божецкая гнѣвность вродливая.
 Напомнилъ богатый о болѣзни своей,
 Лежучи богатый молитву творилъ,
 Вспомнилъ богатый Господа Бога:
 —Господи Боже мой, Спасъ милосливый,
70. Выслунай, Господи, молитву мою:
 Прймай мою душу до хвалы къ себѣ.
 Сошли по мою душу святыхъ ангеловъ,
 Святыхъ, частныхъ, милосливыхъ, тихихъ, смирныхъ,
 По богачову по душу мою.
75. И вжѣ моя дѣша вила-вѣла,
 Хорошо сходила, много злата-серебра насчиталась,
 И разныхъ вѣховъ вѣшалась,
 И тѣло вкрасовалось,
 Дорогими одежды поносилось,
80. Сладкихъ наѣдковъ накупалось.
 Дорогихъ напитковъ напивалось.—
 Самъ Господь выслушалъ молитву яво;
 Сослалъ Царь небесныхъ грозныхъ ангеловъ,
 Грозныхъ, страшныхъ, немилосливыхъ, не тихихъ, не смирныхъ,
85. По богачеву душу яво:
 Вынули душу изъ богача скрость ребра его,
 Отдали душу въ пекельный огонь,
 И вверзали въ злую муку предвѣтельную.
 И взреть богатый изъ муки въ рай,
90. Заузреть богатый Авраамья въ раю,
 Близко зъ Врамія брата Лазаря,
 Закричитъ богатый громкимъ голосомъ:
 —Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
 Замочи въ синемъ морѣ свой мезерный пѣрстенъ,
95. Закропай, брату, сахарны уста,
 Злою ту муку предвѣтельную,
 Чтобы мене миновался пекельный огонь,
 Злая мука предвѣтельная.—
 «Братецъ мой, братецъ, сильной-богатой!
100. Радъ бы я тебе братомъ нарекать,

- Сахарныи усты закропать,
 Но здѣсь не моя воля—все Божецкая.
 Въ тебе много злата серебра,
 Сильнѣе имѣнія богатства тѣма:
105. Вотъ тѣмъ себѣ откупить отъ пламя отъ огня,
 Отъ злой отъ муки предвѣчныя,
 Въ царство небесное златомъ вкупить».
 —Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
 Таперь въ мене нѣту ничѣмъ-ничаво,
110. Все мое злато-серебро прахомъ взялось,
 Сильнѣе имѣніе разнымъ разнясло,
 Все мое богатство на земли засталось.—
 «Братецъ мой, братецъ, сильнѣе богатой!
 Спомнижь ты, братецъ, не забудешь,
115. Какъ мы жили-были на вольномъ свѣтѣ:
 Едина насъ матушка двоихъ родила,
 Не одву долю Господь намъ далъ:
 Тебѣ Богъ далъ богатства-тѣма,
 А мнѣ Богъ за вбожество рай.
120. Зачѣмъ мы съ тобой, братъ, не въ справдѣ жили?
 Какъ ты мене Лазаря за брата не мѣлъ,
 Про милость про Божью не поилъ не кормилъ,
 Хлѣба-соли не создавалъ,
 Темницъ сѣдящихъ не просвѣщалъ,
125. На пути, на мѣстѣ не подавалъ,
 Заблудящимъ рабомъ путя не указалъ,
 Нищихъ убогихъ не поилъ ни кормилъ,
 Отъ темныя ночи не сукрывалъ,
130. До Божей до церкви мертвое тѣло не провожалъ,
 До Божей до церкви не хождалъ,
 Про милость про Божью не создавалъ,
 Чудовного вобраза не сукрашалъ,
 Ничѣмъ себѣ царства не наслѣдовалъ».
 —Братецъ ты мой, братецъ, Лазарь святой,
135. Кабы жъ я зналъ-вѣдалъ муку надъ собой,
 Я бъ тебе, Лазаря, за брата имѣлъ,
 Про милость про Божью кормилъ-поилъ,
 Хлѣба и соли создавалъ бы,
 Темницъ сѣдящимъ просвѣщалъ,
140. На пути, на мѣстѣ подавалъ,
 Заблудящимъ рабамъ путя указалъ,
 Нищихъ убогихъ кормилъ бы поилъ,
 Отъ темныя ночи бы скрывалъ,
 До Божей до церкви въ мершее тѣло провожалъ бы,
145. До Божей до церкви дохождалъ бы,
 Про милость про Божью создавалъ бы,

- Чудовного вобраза сзукрашалъ бы.
 Вотъ я бѣ себѣ царства наслѣдовалъ—.
 Скаялся богатый не во время,
 150. Когда было времячко минулося.
 «Аминь, аминь, что Богъ тебѣ далъ,
 Тѣмъ, богатый братъ владай».
 Идѣ святыи ангелы ликъ ликуютъ?
 Ликуютъ ангелы ликъ на зямли,
 155. Царствують праведныи на небесахъ.
 Мы святому Лазарю славу поемъ:
 Во вѣкъ ему слава не минуется,
 Во вѣки во славу прославляется.
 Аминь, аминь, что Богъ ему далъ.
 160. Создай же, Господь Богъ, всему міру преврасень рай.

VI. Михаилъ-архангелъ.

- Когда приидеть время-жизнь послѣдняя,
 Грѣшныи мы думаемъ разсужденіе.
 И праведнымъ быть рай-спасеніе.
 Со востоку солнцу, на западѣ,
 5. Тамъ протечеть рѣчка огненная,
 За той за рѣкой за вогненной
 Тамъ стоитъ архистратигъ Михаилъ
 Со своими съ двѣнадцатьми апостолами,
 Со янгелами, со архангелами,
 10. Переводить души праведныхъ,
 Черезъ ту ряку вогненну,
 Къ своему небесному царствію:
 «Идите, мои христелюбимыи души,
 Преступитесь у Бога, праведны,
 15. Къ своему небесному царствію:
 Уготовлено вамъ царство небесное,
 Горять вамъ свѣчи неугасимыи,
 Уготованы ризы невзносимыи.
 А вы пошли прочь проглытіи,
 20. Подите вы прочь беззаконныи рабы,
 А въ тыи пропасти сыроземляныи,
 Горять вамъ огни злыи неугасимыи,
 Смола вамъ кипить неуголимая».
 Расплачутся многогрѣшныи души,
 25. Разрыдаются беззаконныи рабы:
 —Увидь-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
 И вослышь, судья праведный!
 За что насъ отъ раю отсылаешь,
 Отъ своего царствія небеснаго?

30. Чаму не тыи души христіянски были?—
 Какъ возречеть архистратигъ Михаилъ,
 Возглаголуить судья праведный:
 «Хотя жь бы вы души христіянски были,
 Въ чемъ Божей воли не творили?»
35. За хрестъ за молитву не стояли,
 Не мѣли ни среды, ни пятницы святой,
 И ни третьяго дня воскресенія,
 Вечерни на вулицахъ прогуливали,
 Вутреню въ постеляхъ пролеживали,
40. Абѣдню за столомъ прасеживали,
 Судили суды не по праведному,
 И праведный судъ звинувачивали,
 А винаго правымъ наставляливали,
 Вы брали зъ нихъ казну нечислѣнную суму (sic),
45. Топили казну въ сыру мать-зямлю.
 Вотъ за ту кару черь вамъ неусынучая,
 Вотъ вамъ грѣшнымъ по дѣламъ будетъ». —
 Какъ расплачутся многогрѣшныя души
 И разрыдаются беззаконныя рабы:
50. «И увидь-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
 И увидь-услышь, судья праведный,
 Бери жь ты зъ насъ много злата-сѣребра,
 И побольше того чистаго зезчугу». —
 Какъ вѣзречѣтъ архистратигъ Михаилъ,
55. Возглаголуеть судья праведный:
 «Здѣсь судья ненакупная живетъ,
 Ненапрошенная, не радуется злату-серебру,
 И побольше того часту земчугу,
 Здѣсь судья у Бога праведная».
60. Какъ бы душу спасти съ побстомъ, зъ молитвою,
 И въ рай войтить святой милостиною.

VII. Михаилъ-архистратигъ.

- Плачемъ же мы възрыдаемъ,
 На смертнѣй часъ помышляемъ.
 И придетъ послѣднее житье-время:
 Земля-небо испотрясѣтся,
5. Каменное все распадетъся,
 Завѣсы престола разрушатся,
 Солнце и мѣсяцъ померкнутъ,
 Часты звѣзды на земли скатятся,
 Луна вокругъ призатворится.
10. Тогда насъ на свѣтъ не будетъ,
 Пройдетъ рѣка огненая,

- Пожретъ вона тварь всю земную,
 Михайло архангелъ съ неба сойдетъ,
 На Сіанскую горѹ взойдетъ
 15. Въ семигласную трубу вострубитъ,
 Живыхъ мертвыхъ отъ гроба возбудитъ.
 Мертвыи отъ гроба повостанутъ,
 Въ единый лигъ Господу превозбудутъ,
 И праведнымъ Господи возглаголутъ:
 20. «Идите, мои христолюбимцы:
 Вготовлено вамъ царство небесное
 Отца нашего Бога-Салаоаа».
- А грѣшнымъ Господь возглаголутъ:
 «Пошли прочь, проклятые,
 25. Въ ты пропасти сыро-земныи.
 Гарятъ вамъ огни неугасимые,
 И смола кипитъ неутолимая,
 Черь зла несыпучая».
- И праведныи души грядутъ, веселятся,
 30. А грѣшныи души, къ Богу возопіавши,
 Ко Господу гласъ свой испущаютъ:
 — Ты вслышь, самъ небесный Царь,
 За что ты насъ отъ раю всылаешъ,
 Отъ царства небеснаго?—
35. А грѣшникамъ Господи возглаголуи:
 «Какъ жили вы были на вольномъ свѣтѣ,
 Воли Господней не творили,
 За хрестъ, за молитвы не стояли,
 За память Господню преступали,
 40. Законы разлучали,
 До Божей до церковь не хождали,
 Велики говѣйны не говѣли,
 Тайни Господнихъ святыхъ не примали,
 Читанія Божья не вслушали.
45. Я зъ Дѣвы народился,
 Два дни былъ на распятіи
 Не ради душъ вашихъ согрѣшенья,
 Для ради душъ вашихъ спасенья,
 Душу снасти съ постомъ, з молитвами
50. И въ рай сойтии святыи милостіиною».
- Славенъ Богъ, славенъ прославиленъ.
 Велико имя Господне, аминь.

VIII. Плачь Іосифа.

Кому поемъ печаль, кого призовемъ къ рыданію?
 Господи, создатель мой, сповѣдай печаль мою.

- Печаль моя несносная,
Плакалъ бы бѣ я день и ночь возгредалъ,
5. Всякой часъ, всякое время.
Кто бѣ не далъ съ неба сточника слезъ,
Съ неба голубицу летающую, возвѣщающую,
Послалъ бы я къ своему отцу къ Зравелю:
Отче отецъ Зравеле!
10. Твои дѣти мои братья,
Оны били мене, въ рову кинули,
За волоса зъ рову вынули.
Запродали мене въ тую зямлю Египетскую,
Къ тому царю Хараонскому.
15. Случилось же ему мимо ѣхати,
Идѣ спогребена Графель, мати моя,
Пойду впаду на сыру зямлю,
Пролью слезы къ Господу Богу;
Разступися матъ сыра-зямля,
20. Ты воскреси гробова доска,
Стань, проснись Графель мати-моя
Отъ своего-то ўмершаго сну,
Спознай свояво сына, свѣтъ-Восихва,
Что былъ я въ тебе любимый сынъ,
25. Распрекрасный, свѣтъ-Восихвовъ.
Славу яму и держава и во вѣки вяковъ, аминь.

IX. Рождество.

- Христось Богъ Спаситель съ вѣрными просвѣтился.
Народился Христось Богъ Спаситель во Хлемъинѣ,
Въ той сторены въ Юдицкой,
Зволимъ въ вертены къ Богу пребыть
5. Спасенію нашему вради.
Царь Иродъ хотѣлъ Христа убить,
Посылалъ своихъ волхвовъ къ Богу спытать.
Съ востоку звездою путь проводили,
Приходили волхвы къ Богу съ поклоненьемъ,
10. Принесли Христу чѣстные дары.
Принялъ Господь милосердный за всю свою благу.
Ты еси нашъ Богъ надъ богами,
Ты еси нашъ Царь надъ царями.
Безмертнѣй вѣнецъ на главу сиримали,
15. Мы жъ тебя Христа возвелчали.
Господи, слава Тебѣ!

X. Сонъ Богородицы.

- Святой сонъ Богородицы симъ явился:
 Мати Марія, Дѣва святая,
 Съ вечера Мати мало спала,
 Нямножко во сну видала
5. И про свою чаду про святую:
 Въ славномъ городѣ во Хлемьинѣ.
 Бабы я себѣ чадью споврадила,
 Пеленами меня слелевила,
 Шалковымъ поесомъ совивала,
10. Золотою ризою скрывала.
 И въ славномъ городѣ въ Русалимѣ,
 На святой рякѣ на Ердани,
 На Сіанской горы на вертепѣ
 Выросло жъ тамъ древо святое,
15. Что святое тамъ древо кинпаресово,
 Что на томъ святомъ древу на кинпаресову,
 Превосуденъ твой крестъ, сынъ явился.
 Онъ явѣши самъ промолвился:
 «Свѣтъ-мати Марія, Дѣва святая,
20. Вотъ я самъ твой сонъ знаю
 Со воистину рассуваю:
 Что быть мѣ, матушка, на крестѣ распятому,
 Быть сбавленной муки скржавлену,
 А тярнову вѣнцу на главу возложеноу,
25. А тростѣмъ по главѣ разбѣенному,
 А въ ребра копѣмъ сокрушенному
 А крови мсей святой быть пролитой».
 Расплачется Мать Марія,
 Разрыдается Дѣва-святая:
30. — Прелюбимый мой сынъ, царь небесный,
 Безвинную муку принимаешь,
 Пресвятую кровь проливаешь!
 На кого меня, Дѣву, споручаешь?
 Кому на дозрѣніе оставляешь?—
35. Что прорекъ самъ Исусъ Крестосъ:
 «Не плачь-не рыдай, Мати-Марія;
 Не ядину я тебе, матушку, споручаю,
 Не ядину пресвятую оставляю:
 Споручаю, оставляю: на святаго Яна,
40. А на святаго Яна Богуслова,
 Ащѣ на того друга Христова».
 Нарекала егѣ Мать вторымъ сыномъ—Исусомъ Крестомъ.
 Егда Исуса Христа тѣло соймуть,

- Кровь Его святую разольють,
 45. Его погребеніе за всѣхъ будетъ
 И, моя мать, изъ мертвыхъ, животь вѣчный.
 Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасеніе,
 Безвѣрнымъ на вѣчную муку.
 А третій день отъ гроба воскреснетъ,
 50. Самъ на небеса вознеслся
 Со честиѣющими херувимами,
 Со славнѣющими серафимами,
 Съ збранными матерями со святыми.
 Что изъ мертвыхъ, матушка, усопавши,
 55. Самъ ко тебѣ съ неба сойду,
 Самъ твою душу превпокою,
 А въ царствѣ небесномъ и соборѣ,
 И гдѣ святыя ангелы ликъ ликуютъ,
 А стрепещить небесная сила,
 60. А съ трепѣтомъ стоять предъ престолами,
 Лица крылами ликъ воскрываетъ.
 Всяво былѡ во градѣ во Русалимѣ,
 Во святой Божіей церкви за престоломъ
 Погребеніе мощемъ со святыми.
 65. Погребши къ мощамъ преклонюся,
 Поклонѣвшись съ матушкой попрашуся:
 Ты прости, прости, моя Богородица,
 Ты прости, Дѣва пресвятая.
 Выпншу твой ликъ на иконѣ
 70. И поставлю твой образъ на престолѣ
 Въ святой Божей церкви, во соборѣ
 Передъ чудовными образами,
 Передъ царскими воротами;
 И туда будутъ мѣръ-народъ приходить,
 75. Службу молебны нанимать,
 Земляные поклоны сзуклонять,
 И тебе, Мать пречистая, возвеличать,
 Во вѣкъ Исуса Христа мѣромъ прославлять.

Ктожъ етой сонъ, стихъ Божей, перепомнить, онъ будетъ отъ муки збавленъ предвѣчныя. Ктожъ етогъ стихъ Божей выслушаетъ, Господь Богъ грѣховъ збавляетъ, наслѣдоваць будетъ царству небесному, достоинъ будетъ авраю пресвѣтлomu. А мы воспоемъ: аллилуя!

XI. «Иже нашъ Христось Богъ Исусе».

(Распятіе).

Единый лукавый былъ Вуда,
 Запродалъ Христа Бога на распятіе

- И въ святое древо кипарисово.
 Расплатится мать Божья Марія:
 5. «Прелюбезный мой сынъ, Царь небесный,
 Безвинную муку принимаешь,
 За мiръ кровь святую проливаешь!»
 — Не плачь, не рыдай, Мать Божья Марія,
 Эта моя мука-смерть—животъ вѣчный.
 10. Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасенье,
 Безвѣрнымъ на муку вѣчную.
 Восприму эту муку самъ за вѣру,
 За всѣхъ православныхъ христiанъ.—
 Слава Тебѣ, Христе, Боже нашъ!

ХП. Двѣнадцать пятницъ.

Придите убо, братья, послушайте,
 Что въ ангельской книги написано:
 Двѣнадцать пятницъ въ году спостовать:

1-я пятница великая въ году послѣ сырной недѣли на Федоровской недѣлѣ: Кто въ тую пятницу постовать будетъ, съ постомъ со молитвою, того человѣка отъ страшной смерти скорой постижной сохраненъ будетъ Господь, Богъ святой, помилуетъ.

2-я пятница великая въ году... противъ Благовѣщенiя... того человѣка отъ нутреней болѣзни сохраненъ будетъ... ¹⁾

3-я пятница... противъ пресвѣтлаго Воскресенiя... того человѣка отъ трясуцей болѣзни и припадку сохраненъ будетъ...

4-я пятница... противъ Вознесенiя... женскаго полу отъ сужденья...

5-я пятница... противъ Св. Духа-Троицы... отъ скудости, бѣдности, заливной смерти...

6-я пятница... противъ св. Ильи Пророка надвѣляюща... отъ грозы и грады, огня-пожару, отъ вѣчной муки...

7-я пятница... противъ Спаса Преображенья... отъ дьявольской грези, младыхъ младенецъ отъ присыну...

8-я пятница... противъ Успенья... отъ трясуцей болѣзни, лихорадки...

9-я пятница... противъ Усѣки величiя честныя главы I. Предтечи... въ царскую службу отъ мечу-посѣчу, отъ ружейного побоя...

10-я пятница... противъ Егорги Великомуч... отъ звѣри съдѣнья...

Первая на десять пятница... противъ Рождества Христова... воззреть тую душу Мать Пресвятая Богородица...

Вторая на десять пятница... противъ «Стрѣченья»... сповѣдаетъ тые душу самъ Исусъ Христосъ, возмутъ тую душу ангелы, подадутъ тую душу Богу въ рай.

1) Повторяется формула первой пятницы.

А кто жъ не поминеть двѣнадцать въ году пятницъ постовать, аще мужъ съ женою совокупятся, будутъ просить молитву Богу дѣтищу, народится дѣтище несчастливымъ: либо кать будетъ, либо воръ, либо разбойникъ большой, станетъ злымъ начальникомъ, худымъ дѣламъ наставникъ будетъ. А поитѣйте жа вы, братіе, въ году двѣнадцать пятницъ постовать, придите вы, братіе, въ Божій домъ, со любовностью, съ вѣрностью, помолитесь, братіе, самому Христу, давайте, братіе, нищимъ милостину, необсужденную, необговоренную, не заклую: заклую, обсужденная, обговоренная милостина не въ пользу души. Слава Тебѣ, Боже нашъ, аминь.

ХІІІ. Объ Александрѣ ІІ.

- Мы подумаемъ, друзья,
 Про бѣлаго царя.
 Милостивый государь,
 Александръ второй царь:
5. Вонъ съ любовію радѣлъ,
 Всѣмъ свободы дать хотѣлъ,
 Подъ крыломъ усѣхъ держалъ,
 И отказныхъ усѣхъ збавлялъ,
 Всѣ законы исправлялъ,
10. Слышалъ бѣдныхъ людей стоны,
 Самъ на помощь посѣщалъ
 Всѣхъ злодѣевъ съукрашалъ.
 Стали злодѣи судъ судить,
 Какъ бы царя истребить,
15. Много козніи спотребили,
 Отчаянныхъ подкупили
 Дали имъ въ руки *горноты*.
 Оны отъ Бога прокляты
 Вездѣ мины подводили,
20. Государя истребили.
 Каравулъ вездѣ стоялъ,
 Государя сохранялъ;
 До марту перваго числа
 Господь сохранялъ царя.
25. Марту перваго числа
 Жизнь скончалась государя.
 Проявился первый вдаръ,
 Государя миновалъ;
 Проявился второй взрывъ,
30. Государя сповразилъ.
 Сповраженный царь упалъ,
 Жалобно слово сказалъ:
 «Подымитя мене, дѣти,

- Знать отжилъ я на свѣти,
 35. Знать скончалась жисть моя!>
 За народною толпой
 Не видать было, отколь
 Тамъ яго горька страсть была:
 Съ государя кровь лила.
40. Слуги яго къ государю доступали,
 Подъ бялы руки подняли,
 На рукахъ царя вздержали,
 Слезно плакали-рыдали:
 «Что ты нашъ батюшка, земной богъ!»
45. Ты лишился своихъ ногъ!
 Добро намъ усѣмъ творилъ;
 За то свою кровь пролилъ!
 Ты нашъ батюшка, государь-отець,
 Несемъ тебя во дворець».
50. При дворцы уси стояли,
 Слезно плакали-рыдали,
 Черный травуръ надѣвали,
 О покой души сказали,
 Черны хвлаки опустили:
55. Царску смерть возвѣстили.
 Какъ возвѣстили на владыкъ указъ,
 Полелися слезы съ глазъ,
 Какъ отбили телеграмъ—
 Затменіе сонца намъ
60. Тамъ было свѣту и свѣтилы,
 Земли было потрясенье,
 По всѣмъ по городу по Питеру трявога,
 Государю стражды много.
 Какъ намъ издумать и възгадать,
65. Какъ на царя руки взнять?
 По всѣмъ святымъ церквамъ
 По соборамъ подзвонили,
 Погребеніе служили,
 Прослужили шесть недѣль,
70. А намъ здалось-одинъ день.
 Солнечныи лѣчи повскрылись,
 Государя мы лишились.
 Давайте мы, братіе, Бога молить:
75. Какъ сына примудрить,
 Какъ сынъ пойдетъ по дѣламъ отцу,
 Прозведеть дѣло къ концу.
 Слава Богу и царямъ держава, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Этотъ стихъ былъ также записанъ гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой въ области войска Донскаго со словъ слѣпца, пѣвшаго подь звуки лиры, и сообщенъ Н. Кульмагомъ въ «Русск. Стар.» въ 1900 г. VI, 651—654, съ небольшими замѣтками. Варьянты привожу изъ этой записи. 2. Усѣ про бѣлаго царя., 3—*нѣтъ*; 5—горѣлъ; 7—И отъ казни избавлялъ; 9—Онъ справлялъ усѣ законы; 12—И злодѣевъ укрощалъ; 16—Отчаянныхъ людей подкупили; 18—Они есть Богомъ прокляты. 20—А царя не истребили; 23—24—*нѣтъ*; 26—Государю смерть пришла; 29—Какъ взвился второй большой взрывъ; 31—государь; 35—39—*нѣтъ*; 40—И къ нему слуги подбѣжали; 44—Ахъ, ты; 46 и 47 *переставлены; далье слѣдуютъ наши ст. 64—65 и еще два: Какова тамъ страсть была,—Когда царская кровь лила; 54—Черный флагъ они спустили; 55—Государеву; далье идутъ наши стихи 67—70; 56—Возвѣстили на Кавказъ; 58—59—Дали телеграмму затмѣнія солнца намъ; 60—61—нѣтъ; далье наши стихи: 71—72, 56—57; 62—Во всемъ Питерѣ тревога; 63—Стражды было; 64—Страшно слумать и сгадать; 66—67 Усѣхъ соборовъ зазвѣнни; 72—Бѣлаго царя; 73—76—нѣтъ; вмѣсто нихъ: Во везъ Питеръ удивился,—со всего Питера сошлись.*

М. Сперанскій.

